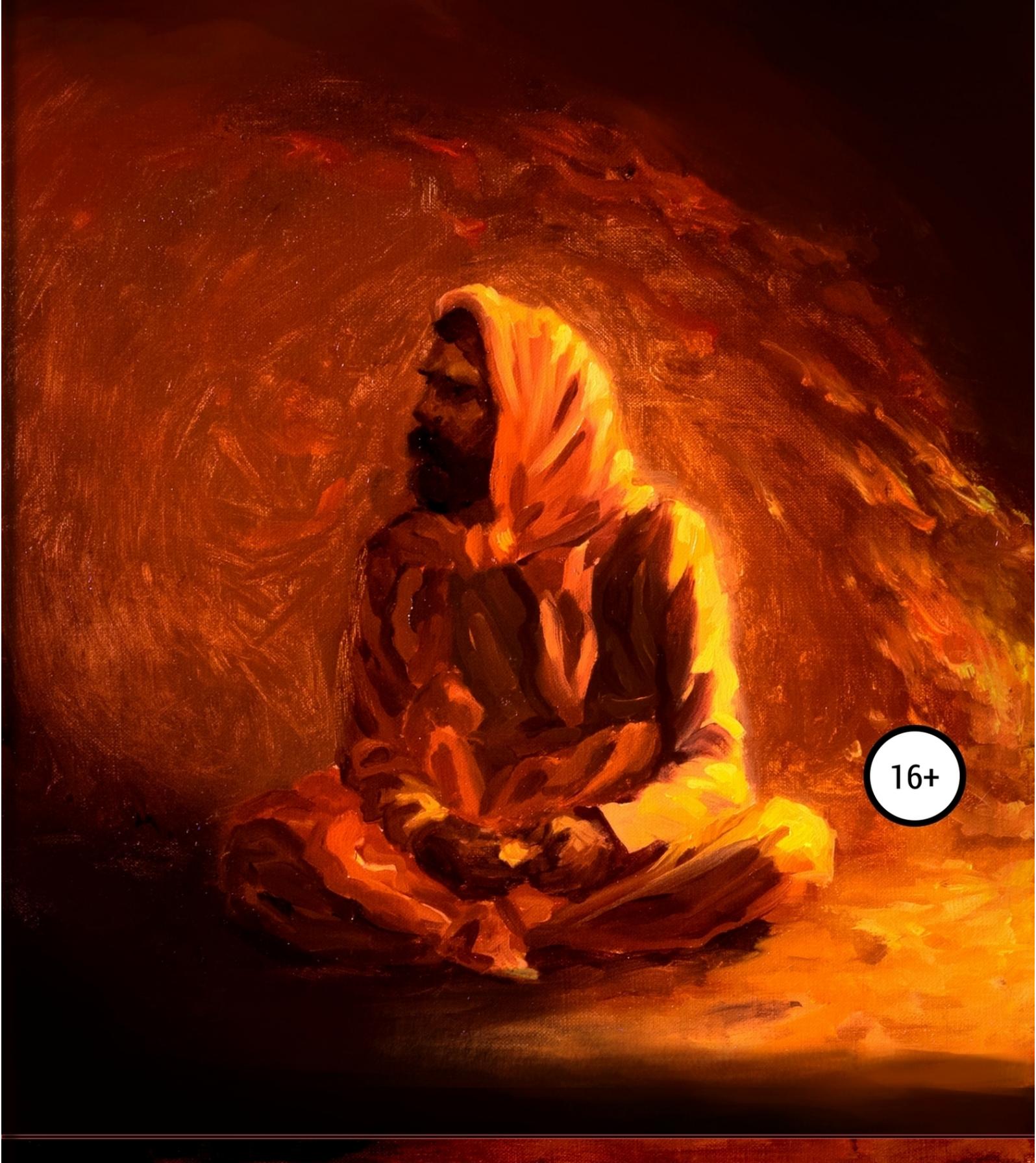

Сети разума

Ли Лонли

16+

Ли Лонли
Сети разума

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лонли Л.

Сети разума / Л. Лонли — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Серия преступлений, прокатившихся по всему миру, сталкивает вместе разных людей: эксперт-искусствовед Юрий Котов, сотрудник Интерпола Ричард Корриган и потомок русских эмигрантов Джеймс Строгофф увязли в странной истории, выхода из которой не видно. Каждый из них потерял близкого человека, и виной всему — таинственные фигурки, вырезанные из человеческой кости. Кто и зачем делал их? Почему они сводят с ума всех, к кому попадут? Следы преступлений ведут в овечьими пряностями Индию. Найдутся ли ответы на мучительные вопросы главных героев, будут ли раскрыты секреты, и как выбраться из тупика, в который тебя завёл собственный разум?

© Лонли Л., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Дитер Шнауц, тощий хиппи с грязными светлыми волосами ниже плеч, только вчера покинувший своё временное убежище в пригороде Мюнхена, едва волочил ноги от усталости, но, несмотря на это, внутри ощущал себя бодрым и полным сил. Древний индийский город мёртвых, шумный Варанаси с его многолюдными улочками и постоянными ветрами, бесконечно длинными набережными вдоль матери-Ганги и ветхими лодочками на реке остался далеко позади – вместе с запахами пряных благовоний, слишком острой на вкус немца уличной едой и шумными стайками босых попрошайек, повсюду следующих и хватающих за руки каждого встречного туриста.

Впереди ждал Сарнатх, бывший целью Дитера и его случайных спутников. Молоденькие шведы Ларс и Ингрид, сбежавшие из дома после крупной ссоры с родителями. На вид подросткам не было и семнадцати, и двадцатипятилетний немец ощущал ответственность за них с момента знакомства на вокзале Варанаси. Испуганные воробышки, думал он. Именно это сравнение пришло в голову Дитеру, когда он впервые взглянул на шведов: оказавшись в незнакомой обстановке, Ингрид с Ларсом шустро перебежали взглядами с одного объекта на другой, их тонкие большие рты были постоянно открыты от удивления и восхищения, но в то же время головы были втянуты в плечи, как будто они каждую секунду ожидали удара. Наверное, так сильно боялись, что родственники уже обнаружили отсутствие подростков и активно их разыскивают, что им в голову не приходила мысль о том, что теперь они достаточно далеко от дома и вряд ли кто-нибудь найдёт их здесь.

– Дитер, ты ведь здесь уже не в первый раз? – у Ингрид огромные голубые глаза и пара десятков разноцветных браслетов на тонких запястьях и предплечьях. Короткие джинсовые шорты, растянутая жёлтая майка с нарисованным от руки чуть кривоватым знаком пацифистов и красный хайратник – казалось, девчушка только играла в хиппи, надев вещи старшей сестры.

Весь багаж хрупкой блондинки составляла объёмная плюшевая сумка с бахромой, так что немец сразу догадался, что почти все её вещи тащит в своём сверхвместительном спортивном рюкзаке Ларс, одетый в натуральные хлопковые брюки и свободную рубаху – как и сам Дитер.

Шнауц попытался улыбнуться:

– Ну да, не в первый... Только знаешь ли, я этим не горжусь... К Учителю не приезжают просто так... То есть я хочу сказать, что это не от хорошей жизни...

– Да уж наверное... – угрюмый Ларс подал голос впервые с тех пор, как они оставили вокзал Варанаси. – Иначе мы сами не были бы здесь... Но я всё равно не понимаю – почему именно тут, чем так важен этот ваш Учитель... Ингрид могла выбрать любой другой город, любую другую страну, если бы захотела – но нет...

Слава об Учителе, обладающем даром облегчать чужие страдания, шла по всему миру – индус десятилетиями не выходил из укромной обители и ни в чём не знал нужды. Его суровый аскетизм и витавший вокруг него дух святости бесконечно манил любопытных хиппи, ищущих новых впечатлений туристов и жаждущих просветления неофитов, которые прилетали к Учителю за тысячи километров, чтобы провести хоть немного времени рядом с необыкновенным человеком, и потом до конца жизни были осчастливлены уже одними воспоминаниями об этой встрече.

С годами личность Учителя обзавелась мощной аурой таинственности, и чем дальше, тем больше слухов появлялось вокруг этого человека. Одни поговаривали, что он прожил на этом свете уже не одну сотню лет, и что единственная причина, по которой он обладает способностью облегчать чувство вины других людей, заключается в том, что сам он далеко не так

свят, как верили его наивные ученики. Других сводила с ума одна только вероятность того, что можно быть настолько грешным, чтобы стать святым и начать нести в этот мир свет. Как бы там ни было, поток учеников не иссякал – на место ушедших (исцелённых или просто отдохнувших) приходили другие, не менее страждущие и мятущиеся... и всегда их было ровно столько, сколько могли вместить каменные своды гостеприимного жилища отшельника.

Время от времени Учитель исчезал в неизвестном направлении, а по возвращению проводил обряд самоочищения, длившийся порой несколько недель, и снова продолжал обучать ищущих знания – и каждый раз ученики были на месте и смиренно ожидали возобновления духовной практики.

Дитер уже собирался ответить скептически шведу, хоть и чувствовал, что будет непросто облечь в слова все его знания и догадки об Учителе, но Ингрид его опередила:

– Я же тебе рассказывала, Ларс! Чем ты слушал? Учитель помогает начать жизнь заново. Он как бы обнуляет карму, понимаешь? Делает что-то такое...

– Карму нельзя обнулить снаружи, Ингрид, – мягко возразил Дитер. – Это одна из тех вещей, которые можно сделать только самому. Но Учитель... он помогает избавиться от чувства вины и принять себя...

– Но всё-таки, почему именно он, этот ваш Учитель? – Упоминание о чувстве вины очевидно задело Ларса за живое. Немец не мог не заметить этого, но лезть кому-то в душу лишь затем, чтобы удовлетворить собственное любопытство, было не в его стиле. – Даже если нормальные западные психологи в чем-то окажутся бессильны, взять хотя бы... да здесь, в Индии, эти учителя на каждом шагу, разве нет? Только успевай деньги подносить...

Это была правда, которую знали все: учителей в Индии бесчисленное количество – каждый страждущий турист всегда найдёт то, что искал. Причём каждый будет на сто процентов уверен в том, что уж его-то учитель – самый что ни на есть «настоящий». В отличие от всех остальных.

Правда была и в том, что сам Дитер, когда был в Индии в прошлый раз, ходил по храмам и ашрамам в поисках «своего» учителя, в ожидании того, что «сердце подскажет, куда идти», и всё надеялся, что он вот-вот поймёт, что нашёл свой путь. Но нигде, нигде он не чувствовал, что нашёл искомое, не испытывал ощущения, что пришёл, наконец, к своей цели. Ровно до тех пор, пока не оказался в одной из десятков вихар Сарнатха.

Дитер вспомнил, как его туда занесло, и улыбнулся: судьбу решила случайно найденная на улице мелкая монетка, показавшая, что надо держать путь на север от Варанаси... Он стоял тогда ночью на набережной – одинокий, уставший и глубоко разочарованный, без цента в кармане, и был готов, если придётся, шагнуть в священные воды Ганги, чтобы остаться там навсегда. К жизни его вернул Учитель.

– Ларс, это бесполезно объяснять. Учитель – он... он такой один. Послушай, скоро ты сам всё поймёшь... Если тебе это суждено.

– Ладно, допустим... Я даже не буду спрашивать, почему у этого вашего всемогущего учителя нет нормального имени...

– Оно есть, – невозмутимо произнёс Шнауц, не сбавляя шага. Казалось, его несколько не задевали слова сомневающегося во всём Ларса: его собственная вера в Учителя была непоколебима.

– Это неважно, – продолжал ершиться упрямый блондин. – Я хочу знать другое: почему тебе не хватило одного раза? Что, всемогущий Учитель с первого раза не помог? Или... – Ларс, прищурившись, взглянул на своего спутника, безуспешно пытаясь угадать, что им всё-таки движет: – Или это ты такой грешный?

Сзади раздался резкий окрик – оказалось, что за путниками бежит велорикша, везущий полного, взмокшего от жары и духоты румяного иностранца с двумя чемоданами, и на узкой дороге им не разойтись.

Дитер остановился, отошёл в сторону, давая рикше проехать, и спокойно посмотрел шведу прямо в глаза. Нет, это не он такой грешный. И в этот раз ему не нужно избавляться от чувства вины или чего-то такого... Просто недавно ему приснился Учитель – манил его рукой и звал в Сарнатх. Проснувшись, Дитер понял, что он нужен Учителю. Ни на секунду не усомнившись в правильности своего выбора, немец просто собрал вещи и купил билеты до Варанаси – в один конец.

Вслух Дитер сказал лишь:

– Потому что я чувствую, что должен быть здесь. А вот тебе зачем...

– Ингрид притащила, – кивнул на девушку Ларс. – Я не мог отпустить её одну непонятно куда и зачем.

Ингрид обиделась:

– Как будто это только мне нужно!

Дитер снова двинулся вперёд.

– Хватит ссориться, ребята, – бросил он. – Я не знаю, зачем вы здесь – и, поверьте, мне это несколько не интересно. Я не собираюсь лезть к вам в душу... Но я твёрдо знаю одно: если вы здесь, значит, так было нужно. Причём нужно вам. Это не то место, где можно оказаться случайно.

Сам Дитер поверил в неслучайность всего происходящего, когда оказался здесь в прошлый раз и – по собственным ощущениям – родился заново.

Всю свою жизнь он жил с гнетущим, давящим чувством вины, и ничего не мог с этим поделать – масла в огонь постоянно подливала его собственная мать, ещё в раннем детстве сообщившая сыну, что у него должен был родиться брат-близнец, но при родах врачи его потеряли: в живых остался только Дитер.

В минуты гнева, направленного против матери, немец пытался убедить себя в том, что нормальному человеку не пришло бы в голову винить в смерти брата его, что от него это никоим образом не зависело, и что в любом случае мать не имела никакого морального права рассказывать ему об этом... да что там рассказывать – все свои дни рождения, начиная с первого и заканчивая двадцатым, когда Дитер не выдержал и сбежал на край света, он провёл на кладбище у могилы мертворождённого брата.

С самого детства Дитер был не таким как все. Он просто не мог быть таким как все, не мог играть как все, быть беззаботным, весёлым, счастливым ребёнком – мать строго за этим следила: как можно веселиться, когда твой брат мёртв! В доме царил обстановка вечного траура – приспущенные шторы, полумрак, постоянно горящие свечи и тишина: Дитер, никогда не знавший своего отца, жил с матерью вдвоём, и она была не слишком разговорчива... но именно за эту неразговорчивость сын её и ценил – в миллионный раз слышать о том, что ты виноват во всех земных грехах, было невыносимо.

В компании друзей парня окрестили Зомби – хотя с ним с удовольствием общались и любили за живой ум, улыбки на его лице никто не видел ни разу, и изменить это было невозможно.

Подросток-Дитер не мог встречаться с девушками – из-за того, что здоровье матери стало стремительно слабеть (во всяком случае, она жаловалась на боли в сердце всякий раз, когда он уходил на свидание), и он, единственный близкий ей человек, вынужден был всё чаще заменять мать у прилавка принадлежащего ей продуктового магазинчика. Он даже решил, что не станет

уезжать в университет, чтобы не бросать мать одну – да и зачем ему было учиться? Мальчик с самого детства уяснил, что ему никогда не стать таким же умным, талантливым и чудесным, каким должен был стать его практически никогда не существовавший брат-близнец.

Накануне его двадцатого дня рождения друзья пригласили Дитера на пикник на берегу местной речушки. Прекрасно зная о том, как парень все эти годы «праздновал» собственный день рождения, подростки решили, что должны помочь ему изменить свою жизнь: они торжественно вручили другу конверт с билетом в один конец на самолёт в Индию и деньгами на первое время. Дитер даже прослезился – он и представить не мог, что кому-то настолько небезразлична его судьба. Друзья помогли ему получить визу, приобрести необходимые вещи... Так он оказался в Индии в первый раз.

Вернувшись через некоторое время домой, смирившийся со своим положением и искренне готовый простить мать, Дитер застал в своём доме чужих людей – оставшись одна, мать горевала недолго: уже через полгода она вышла замуж, продала дом и магазин и навсегда уехала неизвестно куда вместе с новоиспеченным мужем. Женщина не пыталась искать своего сына и даже ни разу не удосужилась спросить у его друзей, куда он делся.

К собственному удивлению, узнав об этом, Дитер вздохнул с облегчением – он давно уже понял, что на самом деле потерял мать в тот день, когда появился на свет. По сути, он родился уже сиротой... Сняв комнату и устроившись на работу (опять-таки, не без помощи друзей) в сетевой ресторан, он каждый день как будто заново учился жить и радоваться жизни. И так продолжалось до тех пор, пока Учитель не позвал его.

Сейчас, размышляя об этом, Дитер понял, что всё было не зря – вся его предыдущая жизнь была лишь подготовкой к настоящей жизни, проверкой на способность выполнить своё предназначение. Теперь его место здесь. Его час пробил.

Спутники немца – видимо, сосредоточившись на чём-то своём, – шагали молча. Близились полдень, солнце начинало ощутимо припекать. За следующие два часа им трижды пришлось остановиться, чтобы купить воды – в промышленной таре, с «по-настоящему» завинченными крышками: Ингрид заставила Ларса это проверить – девушка была наслышана о том, что в Индии под видом бутилированной воды запросто можно купить воду из-под крана, а маяться с желудком вместо того, чтобы просветляться в вихаре, ей не хотелось. Немцу же было всё равно – он давно заранее смирился со всем, что могло с ним произойти, и был готов принять любую напасть как должное.

– Кстати, Дитер: а почему именно вихара? – Ингрид хотела знать всё, и тощего немца это немного утомляло: он понимал, что это всё не имеет значения, что девушка задаёт не те вопросы. Но это был её путь. – Я имею в виду: почему вихара, а не ашрам, например?

– Не знаю, – Шнауц пожал плечами. – Я не так много путешествовал по Индии, чтобы понять, в чём разница... Тут одни и те же вещи могут называться по-разному, и никого это не удивляет... Когда-то давно вихарой называлось место, где монах мог медитировать в сезон дождей... То есть, по всей видимости, это более укромное место, чем ашрам... Извини, я, наверно, плохой рассказчик... ну или просто тема такая... знаешь, я сам не люблю, когда так говорят, но эта вихара... Учитель... это всё – правда, лучше один раз увидеть. Слова никакого смысла не имеют.

– Какие слова?

– Любые. Потерпи немного, скоро сама всё поймёшь.

– А если не пойму?

Дитер посмотрел девушке в глаза и многозначительно улыбнулся. За всё время, что он провёл с Учителем в его вихаре, он ни разу не видел и даже не слышал о людях, которые в итоге так ничего и не поняли.

– А нельзя было как-то побыстрее добраться до Сарнатха? – Ингрид заметно устала, и ей уже не терпелось оказаться в пункте назначения.

– А ты смогла бы ехать на рикше? – улыбнулся Шнауц. – Хотя бы на вело-рикше?

Ингрид поёжилась, а Ларс впервые за всю дорогу расхохотался:

– Да она даже в ресторан нормальный зайти не может – не любит, чтобы ей «прислуживали». А тут на живом человеке ехать.

– Да ладно, я же не ною, я просто спросила, – сказала тоненькая блондинка и вздохнула: – Сфоткай меня хотя бы на фоне буйволов.

Стадо буйволов с унылым погонщиком, одетым лишь в грязно-серую набедренную повязку, как раз уныло тащилось через пыльную дорогу. Девушка встала на их фоне, приняла красивую, как ей показалось, позу и немного неестественно улыбнулась. Ларс достал из кармана смартфон и сделал пару снимков.

Через час с небольшим глазам путников предстала окраина Сарнатха, а ещё полчаса спустя двое шведов и немец входили в просторное здание из светлого припыленного веками песчаника, у которого вместо окон и дверей были пустые проёмы – и в них виднелись спины сидящих и стоящих людей. Внутри царил полутьма, неожиданная прохлада и сильный пряный аромат индийских благовоний. Вновь прибывшие молча бросили свои сумки в углу вместе со всеми, расстелили коврики там, где было место, и уселись в удобных позах, стараясь никого не потревожить.

По углам горели свечи в аромалампах, но основной свет проникал в помещение из проёмов для окон и дверей, огибая застывших как статуи учеников.

Людей в помещении было относительно не много, человек тридцать, и все они задумчиво внимали высокому индусу крепкого телосложения в белоснежном одеянии. У него была ухоженная борода и тёмные волосы с заметной проседью. Мужчина сидел у дальней от входа стены в позе лотоса на некотором возвышении по сравнению с остальными, и говорил с учениками почти на чистом английском, лишь с едва уловимым хинди-акцентом. Говорил он тихо, но дикция была чёткой, как у хорошего преподавателя университета:

– Тот, кто освободится от своих привязанностей, больше никогда не родится в этом мире, но это не означает конца существования. Бытие и небытие суть одно и то же, и не быть – то же самое, что быть. Научиться принимать себя таким, каков ты есть, необходимо для того, чтобы впустить в себя свет и нести его в этот мир. Незнание – тьма, и отказываясь от себя, вы добровольно погружаетесь во тьму... Все наши проблемы возникают тогда, когда мы начинаем противопоставлять себя самим же себе в то время, как мы все – суть одно. Одна душа. Один Брахман. Бесконечность. Вся наша жизнь от рождения и до самой смерти – один долгий путь к себе, путь познания себя. И путь этот никогда не будет ровным и гладким – он будет сложен и извилист, будет уходить в сторону и заставлять вас делать круги, на нём будут попадаться кочки и овраги, но только преодолевая все эти трудности вы можете быть уверены, что вы на правильном пути.

Ингрид взглянула на Ларса, которому всё происходящее было глубоко безразлично – он просто радовался, что любимая рядом, и больше не надо никуда идти: его ноги гудели от непривычно долгой ходьбы, а кожа горела от солнечных ожогов. Девушке, казалось, ни разбитая дорога, ни непривычное бледной шведской коже солнце не причинили особых неудобств. Ингрид торжествующе улыбнулась, глядя на парня, – мол, теперь-то ты видишь, что я была права, – и снова обратила взор на Учителя.

– Самый важный вопрос в этой жизни – вопрос «кто я?». Вы должны задавать его себе снова и снова, каждый день, каждый час, каждую минуту. От того, кто вы, зависит то, что вы должны делать и куда идти. Главная ошибка, которую мы все совершаем в начале пути – отождествление себя, своего истинного «я», со своими мыслями, чувствами, эмоциями. Мы действительно верим в то, что это мы. Мы верим в то, что мы – это наше физическое тело, которое нуждается в пище, одежде, крыше над головой. Мы верим в то, что это мы испытываем холод, голод, страх... в то, что это нам нужно человеческое общение и люди рядом. Однако правда в том, что всеми живыми существами на этой Земле руководят лишь два основных инстинкта – стремление всеми силами избежать боли и стремление получить удовольствие. И когда мы поддаёмся этим стремлениям, мы всё больше уподобляемся животным и всё дальше удаляемся от самих себя, от своего истинного «я», и навеки попадаем в паутину страхов и удовольствий, в паутину жажды жизни и страха перед смертью. Мы так боимся умереть, что забываем о том, что эта жизнь у нас не единственная, и что после её окончания нам предстоит снова родиться и продолжить свой путь. Я призываю вас быть осознанными. Стать осознанными, пробудиться. Вы все оказались здесь не просто так. Вы здесь, потому что так должно быть. Так используйте время своего пребывания здесь для того, чтобы понять, кто вы на самом деле. Медитируйте. Размышляйте. Изучайте себя снова и снова...

Дитер глубоко вдохнул знакомый сладковато-пряный аромат благовоний, ненадолго задержал дыхание и закрыл глаза. Его сердце преисполнилось спокойным тихим счастьем – таким, какое возникает, когда после долгого утомительного путешествия возвращаешься, наконец, домой...

***

Было чудесное весеннее утро пятницы, когда Юрий Котов проснулся от звука включенного телевизора, доносящегося из кухни, и посмотрел на часы. Без пяти шесть – будильник ещё не звонил, а Рита уже вовсю крутится на кухне – наверное, готовит что-то вкусенькое. Пахнет сдобой и жареной картошкой – Юрий с детства обожал на завтрак жареную картошку, залитую яйцом и присыпанную свежей зеленью и тёртым сыром: тогда это значило, что сегодня у мамы выходной, и она весь день проведёт с сыном... С тех пор прошло много лет – в минувшем месяце Юрию исполнилось тридцать шесть, – отношения с матерью были давно и безнадежно испорчены, а омлет с картошкой так и остался любимым блюдом парня на завтрак...

Вообще он не любил просыпаться так рано (даже от запаха любимой еды), но сегодня разлёживаться было некогда. Котов встал, быстро застелил кровать, привычно завязал в хвост спутавшиеся тёмные волосы, чтобы не лезли в лицо, и, как был, в пижаме, вышел на просторную кухню. Рита стояла у плиты спиной к нему и что-то помешивала, пританцовывая и напевая себе под нос. Полкухни занимает невысокий круглый стол со стеклянной столешницей и деревянными резными ножками и два глубоких бежево-коричневых кресла с несколькими диванными подушками, но для холодильника, плиты, шкафов с посудой и танцующей девушки осталось ещё достаточно места.

В уютную двухкомнатную квартиру молодой человек переехал несколько лет назад – успел до очередного кризиса оформить рублёвую ипотеку и перебрался из съёмной комнаты на другой конец Москвы. По сути, это было его первое собственное жильё, и Юрий всё никак не мог нарадоваться тому, что теперь у него есть «свой угол». Несколько месяцев он потратил на то, чтобы обставить квартиру мебелью, повесить окна занавесками, а стены – картинами современных, то есть никому не известных, художников, и везде наткаться вазочек, светильников, горшков с цветами, статуэток и прочего декора. Любой, кто впервые посетил бы этот дом, решил бы, что здесь живёт большая семья, причём уже очень давно: всё видимое пространство было заставлено, покрыто, украшено, декорировано. Предметов было много, как и стилей, но всё странным образом неплохо сочеталось между собой – так оформить квартиру мог какой-

нибудь модный дизайнер, хотя моде счастливый владелец жилья на южной окраине Москвы не следовал никогда – он просто любил комфорт и красивые (хотя порой они были такими только для него) вещи.

Увидев Юрия, Рита подошла к нему, крепко обняла и поцеловала, не разнимая объятий.
– Мой любимый соня проснулся, – улыбнулась она, заглядывая парню в заспанные серые глаза.

Котов поморщился:

– Честно говоря, был бы выходной, я бы с удовольствием поспал подольше... Чувствую себя так, как будто встать-то я встал, но проснуться – не проснулся... Но Шереметев же ещё в отпуске, так что я за него... Налъёшь кофе?

Рита сегодня чудо как хороша – подобранные наверх светло-рыжие растрёпанные волосы, маленькие жемчужинки в ушах и сводящие с ума высокие скулы, нежно оттенённые персиковыми румянами. Зелёное шёлковое кимоно, надетое, по всей видимости, прямо на голое тело и мягко подчёркивающее плавные женственные изгибы, едва доходит до середины бедра. Кажется, стоит Рите встать на цыпочки и вытянуть руки вверх, увлекая вверх и кимоно...

Котов, устроившись в уютном кресле, откровенно любовался девушкой.

Рита на другом конце кухни включила кофемашину и подставила чашку:

– Эй, я чувствую, куда ты смотришь! – возмущение было притворным, девушка улыбалась.

Юрий улыбнулся в ответ:

– Ну не в телевизор же пялиться, в самом деле, – сказал он и посмотрел в плазму на стене.

Было время утренних новостей – и, как часто бывает в России, новости оказались не слишком жизнеутверждающими.

– Очередное ритуальное убийство произошло на юге Москвы, – бодро вещал диктор в сером костюме с розовым галстуком. – Убиты двое подростков, на вид примерно 17-18 лет. Полиция просит всех, кому что-либо известно, сообщить об этом по телефонам, номера которых вы видите сейчас на экране.

Вместе с номерами телефонов на экраны вынесли фото подростков – парень и девушка, совсем юные, светлые... с детским любопытством в глазах... Кто мог убить их и за что?

– На месте преступления найдена одежда жертв, – продолжал диктор, а на экране в это время показывали место преступления – небольшую поляну в лесу с пепелищем от костра и разбросанным вокруг мусором.

Юрий раздражённо схватил в руки пульт:

– Кому нужны эти криминальные новости по утрам!

Рита поставила перед ним чашку с горячим кофе:

– Картошка будет через минуту, пирог – через десять минут, как раз успеешь, – девушка взглянула на экран и застыла: – Смотри, фигурка!

Но Котов уже успел переключить на другой канал и растерянно посмотрел на Риту, в её большие голубые глаза:

– Какая ещё фигурка?

– Переключи, скорей переключи обратно! – Рита отчаянно замахала руками.

Однако репортаж уже закончился, и диктор перешёл к сводке ДТП по городу за прошедшие сутки.

– Жалко, уже закончилось, – расстроилась девушка. – Ладно, потом постараюсь в и-нете найти...

– Да что там за фигурка, ты можешь объяснить?

– Фигурка одна... показалась мне знакомой... такая, слепленная из чего-то, типа алебастра, не знаю... или вырезано по кости – хотя вряд ли, там очень тонко... Мне кажется, я где-то видела такую... Ой!

Рита подбежала к плите и схватила сковородку:

– Чуть не сожгла твою картошку... – и стала переключать содержимое сковородки в большую плоскую тарелку с красно-синим орнаментом по краю.

– Завтрак важнее самых важных новостей, – улыбнулся Котов. – А твоя фигурка важнее любой другой. Иди-ка сюда, я тебя обниму!

Девушка улыбнулась в ответ, поставила перед ним тарелку с дымящейся едой, позволила на секунду обнять себя за бёдра, и выскочила из кухни, крикнув из коридора: «Я на минуточку!».

Котов пожал плечами и стал есть – горячо, но подождать ещё пару минут невозможно. Как и в детстве, омлет с картошкой был прекрасен.

Девушка вернулась, когда тарелка Юрия уже опустела, держа в руках старый пожелтевший альбом с детскими рисунками.

– На пока, смотри, – Рита сунула альбом в руки парня. – А я достану пирог.

Юрий рассеянно раскрыл альбом:

– Надо же, я и забыл, что когда-то рисовал... Где ты его нашла?

– Убиралась недавно в кладовке, разбирала коробки... Вот там, вместе с детскими книжками, он и лежал, – спокойно ответила девушка, отрезая два куса пирога и переключая их на тарелку. – Да ты на рисунок смотри – это же та самая фигурка, которая была там, на месте преступления!

– Думаешь? – Юрий растерянно смотрел на рисунок – выполненный явно детской рукой, выглядел он на удивление неплохо: детально изображённый простым твёрдым карандашом человек, как будто в разрезе – видны были его кости и внутренние органы. – Ну и что в этом рисунке такого? То есть в фигурке, конечно...

– Ну не знаю... – Рита присела рядом и поставила на стол тарелки с яблочным пирогом, распространявшим вокруг головокружительный запах горячих печёных яблок и корицы. – Просто там, на месте преступления, валялась похожая фигурка на пенёчке... её как-то мельком показали, но я заметила и сразу вспомнила про этот альбом... Кстати, а почему ты её рисовал? Откуда ты её вообще взял – неужели из головы?

Юрий задумался, глядя на рисунок:

– Даже не знаю... Это было так давно... как будто не со мной. Но мне почему-то кажется, что нет, не из головы... наверно, у меня такая была в детстве. С воображением у меня всегда было не очень...

Рита осторожно начала есть горячий пирог:

– Там ещё есть похожие, полистай...

Юрий стал листать альбом, и тут зазвонил домашний телефон. Не успела Рита отложить ложку в сторону, как включился автоответчик: «Если вы мне позвонили, значит, знаете, кто я. Оставьте сообщение после звукового сигнала...».

Котов не любил стационарный телефон, но, к его удивлению, многие из его знакомых по-прежнему предпочитали пользоваться именно этим средством связи. Автоответчик порой сильно выручал.

– Юра, сынок... Ты так долго не звонил... я волнуюсь. Мне плохой сон снился... про тебя... Я звонила тебе на работу на прошлой неделе, но тебя не было... Какая-то девушка дала мне твой номер – правда, не мобильный... Сынок, позвони мне, пожалуйста. Или приезжай, если хочешь, хоть ненадолго. Ты ведь знаешь – я жду тебя. Жду тебя всегда. Я тебя люблю...

Короткие гудки и щелчок. Конец сообщения.

Котов не звонил матери очень давно – уже много лет их отношения были ни к чёрту. Парень так и не смог простить ей исчезновения отца и явной лжи по этому поводу, а мать никак не могла достучаться до единственного ребёнка, чтобы вымолить прощение. Рита была в курсе того, что Котов игнорировал мать, и время от времени пыталась уговорить его дать женщине шанс – но безуспешно.

Услышав, что сообщение завершилось, Рита лишь тяжело вздохнула. Юрий молча вернулся к своим рисункам.

В альбоме десятки раз была изображена одна и та же фигурка – более чёткая, менее чёткая... в профиль, анфас... недорисованная, брошенная на середине... чёрно-белая, цветная... исполненная карандашами, фломастерами...

– Мне кажется, – наконец выдал он, – что эта фигурка принадлежала моему отцу... когда-то давно... Наверно, я запомнил её ещё тогда, до того, как он нас бросил.

– Сколько тебе было лет? – осторожно спросила Рита. Раньше парень ничего не говорил о своём отце. Она боялась нечаянно спугнуть его откровения.

Котов пожал плечами.

– Лет пять, наверно... Я вообще очень плохо помню то время... Помню только, что мама всё время плакала... А потом она стала какой-то другой... как будто не собой... Ладно, не будем об этом. – Минутка откровения закончилась быстрее, чем ожидала девушка. – А то ещё на работу опоздаю...

– Как скажешь, – обиженная Рита демонстративно облизала ложку. – А ты зря не ешь пирог – по-моему, отлично получилось.

– Даже не сомневаюсь, – Котов отложил альбом в сторону и поцеловал девушку: – Можешь завернуть мне с собой?

Полчаса спустя, когда Юрий сел за руль своей машины и выехал с парковки, он всё ещё думал о собственном детстве. Память – странная штука: бывает, годами не вспоминаешь о том, что когда-то казалось самым важным на свете...

Маленькая фигурка – не больше восьми сантиметров в высоту – кажется, индус (Юрий потом видел похожего в какой-то книжке – одежда, в которой был изображён человек, была такой же, какую носили индийские крестьяне в семнадцатом веке)...

Это было единственное воспоминание парня об отце, оставившем семью много лет назад. Ускользающее воспоминание, не приходившее Котову в голову десятилетиями.

Он очень смутно помнил тот период своей жизни – и сейчас понемногу в его памяти оживало то, что давным-давно было безнадежно забыто. То, как улыбался его отец... как дурачился с сыном, в шутку сражаясь, как иногда приносил после работы пирожные – такие, двухслойные, покрытые шоколадной глазурью и двумя белыми точками шершавой подсохшей помадки... и как однажды вдруг не вернулся домой – и маленький Юра больше никогда его не видел... как грустила и плакала мама... и как мальчик обещал себе, что никогда не забудет папу, что вырастет и обязательно его найдёт... как изо всех сил он старался запомнить всё, что связано с отцом – и как жалел, что не умеет рисовать портреты... поэтому рисовал фигурку, принадлежавшую отцу – мужчина несколько раз давал сыну поиграть с ней, и мальчик, видимо, детально запомнил необычную игрушку... И вот когда отец пропал, маленький Юра рисовал и рисовал ту самую фигурку в надежде на то, что однажды это поможет ему найти отца.

Теперь, много лет спустя, Котов работал экспертом по резьбе и скульптуре в частной галерее при антикварном салоне Аркадия Шереметева на Тверской. Его всегда интересовала история скульптуры – парень даже закончил факультет социально-культурной деятельности в университете культуры и искусств в Краснодаре, где прошла его юность. Уже лет десять Юрий

жил в Москве и работал по специальности, выбранной ещё в детстве – но осознал он это только сейчас...

И только сейчас, когда он стоял в пробке на въезде на МКАД, Котов вдруг вспомнил, почему перестал рисовать фигурку, принадлежавшую отцу, и даже смог об этом забыть: когда его матери надоели навязчиво повторяющиеся рисунки, которые ребёнок продолжал рисовать, несмотря на все просьбы и требования прекратить, она отвела сына к детскому психиатру...

В один момент Юрий вспомнил всё – и долгие разговоры со строгим доктором в белом халате и с густой чёрной бородой (из-за этой бороды доктор казался ребёнку сказочным Бармалеем), и сеансы лечебного гипноза... всё это «лечение», хотя мальчик не чувствовал себя больным, заняло столько времени, что он пропустил в школе целую четверть, а потом, чтобы закончить учебный год и перейти во второй класс, ему пришлось заниматься летом. Наверстать упущенное было нелегко, особенно учитывая то, что учился ребёнок дома – в то время как другие дети уже всюду радовались каникулам и целыми днями веселились, играя на улице...

Из-за этого у него практически не было друзей – ни тогда, ни потом – Юрий привык проводить время за книгами и уже не понимал, как это – бегать с мячом или болтать с друзьями ни о чём... «Мама – твой лучший друг», вдруг вспомнил Котов... Да... мама изо всех сил строила из себя друга... жарила картошку по выходным... покупала мороженое и лимонад всегда, когда бы сын ни попросил... а однажды взяла отложенные на новое пальто деньги и купила ребёнку дорогущего робота, которого ему безумно хотелось получить на Новый год – мальчик надеялся, что робот привлечёт к нему внимание детей во дворе и его примут в свою компанию...

Надо же, как иногда случается – вся жизнь пошла наперекосяк... и непонятно, ради чего.

С тех пор Юрий много раз пытался говорить с мамой об отце, спрашивал, где он, почему ушёл и не вернулся, придумывал, как его можно найти... мать неизменно отмалчивалась, переводила разговоры на другие темы, спрашивала, как дела в школе, и покупала очередное яркорозовое фруктовое мороженое на палочке или песочное пирожное с повидлом и шоколадной глазурью...

Неизвестность всегда томила Котова. В конце концов он привык прятать от матери свои истинные чувства и эмоции, перестал спрашивать об отце... со временем сам перестал его помнить... А потом его отношения с матерью окончательно разладились, и он, воспользовавшись первой же возможностью, уехал в Москву, чтобы начать новую жизнь – подальше от матери... от своего детства... от слишком тягостных воспоминаний и мыслей об отце...

Странная штука – мозг. Иногда, когда собственные воспоминания причиняют тебе слишком сильную боль, когда они занимают все твои мысли, когда ты больше не можешь думать ни о чём другом и продолжаешь страдать и страдать и ничего не можешь с этим поделать, воспоминания вдруг уходят. Твой мозг просто отключает их, не в силах больше терпеть боль. Ты забываешь то, что считал самым важным в своей жизни – то, что было для тебя самым важным...

А иногда бывает так, что воспоминания стёрлись, а боль осталась. Смутная, неясная, саднящая как свежая ссадина... шемящая сердце. И это хуже всего, потому что, пока ты ещё помнишь, от чего страдаешь, твои страдания хотя бы имеют какой-то смысл... Страдания Юрия смысла не имели. Однажды он прочёл одну шутку (в которой, как он подозревал, содержалась изрядная доля правды) о том, что если собственноручные удары молотком по собственной голове причиняют тебе мучительную боль, нужно просто прекратить это делать. Умом он понимал, что источником своей постоянно ноющей боли является он сам. Но как это всё прекратить, Котов не знал.

Глава 2

Шла вторая неделя с тех пор, как Дитер Шнауц приехал в Сарнатх и остановился в вихаре Учителя. Не перекинувшись с ним ни единым словом, он по глазам индуса с первого же взгляда понял, что правильно сделал – здесь его действительно ждали.

В ожидании призыва к конкретным действиям Шнауц вёл себя как остальные ученики, внимая каждому слову Учителя. Светловолосые подростки-шведы, любопытная Ингрид и скептический Ларс, быстро заскучали и ушли отсюда ещё несколько дней назад. После них ушла смуглая девушка с многочисленными оспинами на лице, а ещё чуть позже – трое подростков откуда-то с севера Африки, которые, по слухам, жили в вихаре почти полгода. На место ушедших пришли новые – два угрюмых брата из России и целая компания китайцев, которые не чувствовали себя достаточно чистыми, как они сами выразились, и остались снаружи в ожидании момента, когда поймут, что достойны войти внутрь и принять свет, что несёт Учитель.

Спали все на своих ковриках прямо на полу – было так жарко, что не нужны были даже одеяла, а многочисленных насекомых отпугивал дым благовоний. Нужду справляли в отдельном помещении во дворе. Нехитрую еду – овощи, фрукты, рис и свежие лепёшки – дважды в день приносили местные крестьяне, приходившие, чтобы поприсутствовать на утренней и вечерней службе, и, если вдруг появится возможность – прикоснуться к Учителю. Сладкий чай на молоке с острыми пряностями прямо во дворе вихары готовили по очереди ученики почти круглые сутки: в любой момент каждый желающий мог выйти наружу, получить чашку ароматного напитка и поговорить с другими учениками.

Как правило, здесь все были немногословны: могли даже не называть своего имени, не говорить, откуда приехали, зачем, что привело их к Учителю. Никто не настаивал: храня собственную тайну и переживая собственную боль, каждый понимал, что он не вправе просить другого вывернуть перед незнакомцем душу наизнанку. Но если кому-то надо было выговориться, его всегда терпеливо слушали – сколько бы времени он ни говорил.

Однажды, когда в «чайную очередь» заступил Дитер и тогда ещё не успевший уйти вместе со своей хипповой подругой Ларс, им пришлось сутки напролёт слушать исповедь девушки из России. Татьяна очень плохо говорила по-английски, и это сильно затрудняло понимание того, что с ней происходило по жизни, но никто не мог просто встать и уйти: во-первых, это невежливо, а во-вторых, кто знает – может, завтра тебе понадобится выговориться, и кто-то должен быть рядом... Приготовление чая в большом казане на костре, в таком жарком и влажном климате, было не самым лёгким занятием (хотя по ночам на землю спускалась благословенная прохлада, и становилось намного легче дышать), но устали все тогда не от работы, а от необходимости слушать бесконечную историю – кажется, что-то о несчастной любви и отвергнутых чувствах – на отвратительном английском...

Время текло незаметно – уже через неделю своего пребывания в Сарнатхе Дитер решил, что не стоит даже пытаться определить, какой сегодня день: он здесь не для того, чтобы цепляться разумом за реальность.

День за днём молодой немец с удивлением отмечал, что чувствует себя всё лучше (хотя приехал он сюда вовсе не потому, что ему было плохо) – ощущение было такое, словно к нему по частицам возвращается его собственная душа... как будто он понемногу припоминает то, что когда-то давно знал, а потом почему-то забыл. Понимание и очищение – а вместе с ними покой – исцеляли, просветляли, благословляли уставшее сердце. Шнауц словно медленно рождался заново и постепенно наполнялся божественным светом, созревая для выполнения своего предназначения.

В то утро Дитер проснулся от того, что Учитель вдруг перестал говорить. Парень даже не помнил, как он вообще заснул – он был искренне увлечён убедительной речью индуса о необходимости отпустить своё прошлое, чтобы двигаться дальше. Это было именно то, что жаждал услышать Шнауц – с каждым словом он всё больше осознавал, что теперь, наконец, готов отпустить свою прежнюю жизнь, готов простить себе всё то, что он сделал – и особенно то, чего не сделал. Готов начать всё заново, ступить на новый путь... Не то чтобы Дитер чувствовал себя уже окончательно просветлённым, но он определённо был готов к любым поворотам судьбы.

Почти все остальные ученики – за исключением тех, кто непрерывно готовил пряный чай во дворе, и ещё пары-тройки человек – спали крепким сном. Бодрствующие в замешательстве наблюдали за тем, как Учитель поднимается и медленно идёт к выходу. Перед тем, как шагнуть за порог, он оглянулся, обвёл взглядом присутствующих и указал пальцем на Шнауца. Тот понял всё без слов: для этого он и приехал сюда. Парень бесшумно вскочил на ноги, сложил ладони в молитвенном жесте и склонил голову. Индус едва заметно кивнул и тихо вышел на улицу. Немец оглянулся: не спавшие ученики приветствовали его, сложив ладони и смиренно склонив головы.

Две минуты спустя Дитер занял место Учителя на возвышении, сел в позу лотоса и взял в руки большую поющую тибетскую чашу. Пришло время многочасовой – а то и многодневной – молчаливой медитации...

***

Рабочий день в галерее Шереметева пролетел быстро – наверно, потому что все пятницы пролетают быстрее других рабочих дней недели.

По пятницам Юрий Котов частенько собирался с друзьями у кого-нибудь дома – чаще всего у самого Котова, поскольку он не был обременён семьёй и детьми – за игрой в покер. Приезжал обычно коллега Юрия Корякин со смешливой миниатюрной женой, бывшие соседи по съёмной квартире Столяровы (оба заядлые фанаты велоспорта и скалолазания, и не менее азартные игроки в покер) и Рептилоид, с которым Котов был знаком уже целую вечность.

У того было, конечно, обычное человеческое имя – Николай Голубев, – но близкие друзья звали его не иначе как Рептилоидом – за то, что голова мужчины (уже, кстати, далеко не юного – ему было слегка за пятьдесят) была постоянно забита всевозможными теориями заговора, любимой из которых была паранойя о том, что Землёй издавна правят некие разумные рептилии, успешно маскирующиеся под людей. Все эти теории с завидной регулярностью подпитывались новыми свидетельствами «очевидцев», псевдонаучными статьями безымянных британских и российских учёных и интервью с независимыми экспертами, которых никто не знал. Частично эти «доказательства», как подозревал Котов, фальсифицировал сам Рептилоид в силу профессиональной необходимости – газета, где он работал, выходила раз в неделю, и в каждом номере просто жизненно необходима сенсация, которую и должен был добыть если не сам Рептилоид, то кто-то из его коллег.

Тем не менее при всей своей заикленности на теориях заговора и околонуточной ереси Рептилоид был жизнерадостным, оптимистичным и лёгким на подъём человеком, за что его и любили. За душой у мужчины не было ни гроша, жил он в убогой съёмной «однушке», где на облупленных стенах до сих пор висели плакаты с Брежневым и советскими партийными лозунгами, а бывшая жена давно забрала обеих дочерей и укатила за границу в поисках лучшей жизни. Однако, несмотря на все беды и то, что жил Рептилоид в своём особом мире, недоступном для всех остальных, общаться с ним было удивительно легко – мужчина всегда проявлял неподдельный интерес к собеседнику и был готов поддержать его любые, даже самые безумные, начинания.

В эту пятницу, как обычно, первым из гостей явился Рептилоид – как человек с самым свободным графиком работы.

Заходя в квартиру Котова, он остановился в уютной прихожей и посмотрелся в зеркало: высокий полный мужчина с пронизательными карими глазами, в которых, по его собственному мнению, «плясали чёртики», провёл рукой по сияющей лысине и довольно крикнул:

– Представляешь, мне сегодня один мужик из комиссии по астрологическому надзору сказал, что я как две капли воды похож на одного алтайского шамана, который умер почти сто лет назад. Что скорее всего это я и есть – в прошлой жизни. Интересно, как он узнал, что я с Алтая.

Юрий на кухне насмешливо фыркнул:

– Комиссия по астрологическому надзору? Ты серьёзно?

– А что такое? – обиделся, разуваясь, Рептилоид. – Ты сомневаешься, что я мог быть в прошлой жизни...

– Боже упаси, – Котов выглянул в коридор, примирительно поднимая руки: на эту тему с приятелем лучше не заводить, иначе это надолго. – Я просто понятия не имел, что у нас есть такая комиссия... Давай, проходи.

Пока Юрий располагал в холодильнике упаковку пива (которое сам на дух не переносил, но всегда покупал для друзей), Рептилоид удобно устраивался в кресле, кряхтя от удовольствия.

– Ух ты, что это у тебя такое? – услышал Котов, ставя в микроволновку блины с мясом.

– А что там?

– Рисунки какие-то детские... твои, что ли? И распечатка... ритуальное убийство на юге Москвы... интересуешься криминальными новостями? С каких это пор?

Котов нажал кнопку «старт» и подошёл к приятелю.

– Рисунки мои, да, – признал он с большой неохотой. Надо было убрать альбом. – А распечатка – это... Рита, наверно, распечатала. Мы утром смотрели телевизор, и она сказала, что в новостях показали фигурку, которую я рисовал в детстве... вот я и подумал...

– Ух ты! – повторил Рептилоид. Юрий мысленно сделал ставку на то, что приятеля заинтересовало скорее упоминание о Рите – к совпадениям, новостям и мистике он привык на работе, а Котов довольно долгое время жил один, и намёк на то, что в его жизни наступил новый период, не мог не вызвать самого живого интереса.

Парень не ошибся. Рептилоид многозначительно поднял брови:

– Рита?

К собственному удивлению Юрий почувствовал, как его лицо медленно заливается стыдливым юношеским румянцем:

– Ну... да. Рита... Переехала ко мне на той неделе...

– А ну-ка давай подробности! – потребовал Рептилоид. – Что ещё за Рита, откуда, кто такая, как познакомились?

Микроволновка просигналила о готовности блинов, и Котов направился за тарелкой.

– Вилку, нож? – он оглянулся на приятеля, но столовые приборы того явно не интересовали.

– Давай руками, – решил Рептилоид. – Сметана есть?

Сам Юрий предпочитал есть блины вилкой и не макать их в сметану, а наоборот, поливать сметаной сверху, но иногда это было здорово – сидеть вот так со старым другом и есть брутально, руками – было в этом что-то... настоящее, что ли. Даже самая незамысловатая еда в такие моменты единения казалась вкуснее, чем обычно.

– Нуу, – потребовал Рептилоид. – Я жду. Давай, рассказывай! Ты же знаешь – пока я не получу то, что мне нужно, я с тебя не слезу.

Юрий прокашлялся. Это точно – не слезет.

– Мы познакомились давно... Ну как давно – месяца три назад... Рита работает официанткой в кафе на Тверской – недалеко от галереи Шереметева... Ну ты знаешь, «Де Марко», – я там обычно обедаю... – в тот вечер Котов засиделся в кафе допоздна: работы было много, обед он пропустил, и пришёл уже поужинать. Рита работала в кафе недавно, и с момента её появления там парень, сам того не осознавая, каждый день приходил в надежде снова увидеть жизнерадостную официантку и перемолвиться с ней парой слов... Посетители уже давно разошлись, постепенно стали расходиться работники кафе... Рита подошла к единственному оставшемуся в зале Котову и, извинившись, дала понять, что им пора закрываться, хотя лично она готова носить ему еду и напитки хоть до утра. Котов, ни на что особо не надеясь, пригласил девушку к себе. К его удивлению она согласилась, и с тех пор они были вместе. – Рите двадцать пять, учится на заочном, на последнем курсе психфака... пишет диплом по каким-то там играм разума... надо бы, кстати, выяснить, что у неё там за игры. Стыдно, но я как-то до сих пор не особо интересовался. А ведь надо, наверно, да? Для приличия хотя бы... В общем, она не местная, приехала из какого-то городишки – я название всё время забываю – откуда-то из Сибири. Красивая – ну то есть я думаю, что красивая, потому что она в моём вкусе... умная... заботливая...

– И главное – Рита, – ехидно закончил Рептилоид.

Котов сразу понял, на что намекает приятель – его бывшую девушку, которую он всегда считал любовью всей своей жизни, звали Марго...

Строго говоря, она не была Маргаритой, родители называли её Инной, но однажды, ещё в детстве, в разговоре с подругами девочка перепутала название книги, которую тогда читала – вместо «Королевы Марго» сказала «Принцесса Марго». С тех пор это прозвище приклеилось к ней намертво: долгое время даже родители звали девушку не иначе как «принцесса Марго», а позже – просто Марго.

Юрий любил Марго – по сути, она была первой любовью до ужаса стеснительного парня. Они были вместе несколько лет – чуть ли не с первого дня, когда Котов после окончания университета приехал в Москву и устроился на свою первую работу в Пушкинский музей. Марго тогда работала переводчицей и привела на экскурсию шумную группу студентов из Японии. Стройная рыжуха в коротком синем платье и босоножках на высоких каблуках понравилась Юрию с первого взгляда. Ни на что не надеясь, он подошёл к ней с замирающим сердцем и предложил выпить кофе тем же вечером. Девушка неожиданно ответила ему взаимностью, и в спокойную, устоявшуюся жизнь Котова ворвалась всепоглощающая страсть, затмевающая собой всё... Друзья говорили, что нельзя позволять девушке вить из тебя верёвки, что, какой бы красоткой она ни была, она должна знать своё место, и что никто не стоит того, чтобы полностью менять из-за него свою жизнь, но Юрий был убеждён, что они ему просто завидуют: Марго была само совершенство.

Она не запрещала ему общаться с друзьями, а иногда и сама принимала участие в их вылазках на природу или походах на выставки и другие мероприятия, но, если у любимой не было настроения куда-то идти, Котов буквально мог отказаться от чего угодно, чтобы только быть рядом с ней. Без неё ему не нужно было ничего, она одна составляла всю его бесконечную Вселенную. Постепенно Юрию стало казаться, что все люди и вещи, которые существовали в его жизни, должны были так или иначе быть связанными с ней или, по крайней мере, не противоречить ей – в противном случае в их существовании просто не было смысла.

Позже, когда яркие страсти немного притупились, Котова стали раздражать отдельные привычки и манеры Марго, а девушка была слишком независима, чтобы меняться ради кого бы

то ни было. Особенно сильно Котова задевало то, что она не готова меняться ради него – он-то ради неё был готов на всё! ...Какое-то время их отношения развивались по накатанной: Юрий постоянно шёл на компромиссы и закрывал глаза на недостатки любимой, но всё-таки, спустя семь лет совместной жизни – и несколько месяцев почти непрерывных ссор – они расстались. Марго заявила, что любимый должен принимать её такой, какая она есть, но к тому времени Котов был уже так сильно обижен на девушку, что уже не был готов искать какое-то разумное решение: он просто устал. Марго собрала вещи и ушла, но с тех пор не было ни дня, когда Юрий не вспоминал бы о ней. Даже сейчас, когда после бесконечных лет одиночества Котов, наконец, встретил Риту, которая мгновенно сумела заполнить пустоту в его сердце, парень по-прежнему тосковал по Марго и время от времени невольно сравнивал Риту с ней, втайне надеясь, что Рита никогда об этом не догадается.

Но изредка – совсем редко – когда Юрий оставался наедине со своими воспоминаниями и грёзами, он нехотя признавался себе в том, что единственной причиной, по которой он до сих пор не примчался к Марго, не приполз к ней на коленях, умоляя всё забыть и начать всё сначала, было то, что он просто не знал, как с ней связаться. Её новый адрес был ему неизвестен, на телефонные звонки девушка не отвечала (Котов был уверен, что она сменила номер прямо в день расставания, по привычке сжигая за собой все мосты), в соцсетях больше не появлялась, а с её друзьями и родными он никогда и не был знаком. Теперь его самого это удивляло, а тогда казалось логичным – Юрий был уверен, что кроме этой девушки ему никто не нужен. В конце концов, с собственной матерью он её тоже не познакомил, а Марго никогда даже не намекала... А может, и намекала – просто он, дурак, не понял, а она не настаивала...

В любом случае пути назад не было. Оставалось лишь смириться и учиться жить без Марго. Иногда Котов по-прежнему садился за руль своего старенького мерседеса и подолгу колесил по городу, вглядываясь в каждую встречную девушку, или часами бродил по улочкам, которые когда-то нравились Марго, и посещал её любимые места – уютные книжные магазины с запахом новых книг, маленькое несетевое кафе, где, по уверению Марго, готовили лучший кофе в Москве, набережные и парки, где она любила гулять в дождливую погоду, когда там почти не было людей... Всё было бесполезно. С каждой такой вылазкой парень всё больше убеждался в том, что их пути разошлись навсегда.

– Ну ладно: Рита – так Рита, – сказал, наконец, Рептилоид, и Котов понял, что уже несколько минут молчит, думая о Марго. – Пусть будет Рита. Хотелось бы всё-таки с ней познакомиться, раз уж у вас всё так серьёзно...

– Сегодня не получится, – пожал плечами Юрий: – У неё вечером смена... Так что в другой раз.

– Жаль, – серьёзно произнёс приятель и переключился на другую тему: – Ну так что там с твоими фигурками и криминальными новостями? Расскажешь?

Говорить о фигурках Котов тоже был не готов – он уже настроился провести приятный вечер за покером с друзьями, и совершенно не собирался заниматься самокопанием. Поэтому он рассказал всё Рептилоиду так коротко, как только мог, и к его удивлению приятель не стал умничать и строить догадки относительно мистического совпадения. Даже наоборот – предложил свою помощь: используя служебные связи и удостоверение журналиста, Рептилоид мог попытаться выяснить подробности ритуального убийства из новостей и узнать, если это возможно, какую роль в преступлении сыграла маленькая резная фигурка.

К счастью Котова долго рассуждать об этом не пришлось – гости стали съезжаться на покер, и дружеские разговоры перешли на более лёгкие и беззаботные темы...

***

Инспектор Интерпола Ричард Корриган, поджарый седой мужчина лет шестидесяти, среднего роста, обладающий в целом неприметной внешностью (что при его профессии – несомненное достоинство), проработал в департаменте международного розыска похищенных ценностей тридцать пять лет и уже достиг пенсионного возраста, но на покой всё не ушел. Ричарду так нравилась его работа, что он решительно не мог представить себя тихим пенсионером, разводящим гортензии в своём саду – эдаким божьим одуванчиком... Благо, начальство высоко ценило талант инспектора Корригана и откладывало его выход на пенсию уже дважды – каждый раз находилось какое-нибудь дело, справиться с которым было под силу лишь ему. Конечно, в департаменте полно других талантливых ребят, но подчас только Корриган, с его огромным опытом и удивительно тонкой интуицией, мог раскрыть дело с минимальными затратами времени и финансов – и, как он сам шутил, ещё неизвестно, что важнее... Планировалось, что на следующей неделе Ричарда всё-таки отправят на заслуженный покой, и на это очень рассчитывала его супруга Линда, полноватая крашенная блондинка с мягким характером.

Дети Корриганов, 36-летний Пол и 32-летняя Салли, давно жили отдельно от родителей. У Пола был собственный дом и семья – жена и двое замечательных ребятишек, а Салли жила в арендованных апартаментах с бойфрендом, делила с ним все расходы пополам и считала, что «в наше время спешить с потомством ни к чему, а можно и вовсе обойтись без него». Надо сказать, что оба просто обожали родителей и сожалели, что Линда, которая осталась без работы после закрытия местной детской библиотеки, вынуждена почти всё время проводить в одиночестве, пока её муж бегал за преступниками по всему миру. Конечно, женщина не скучала, много времени проводила в саду со своими гортензиями, часто общалась с соседями и души не чаяла во внуках, которых Пол периодически привозил к бабушке погостить, но ведь это не предел мечтаний для совсем ещё не старой женщины...

У Корриганов был прекрасный дом в пригороде Лондона и достаточно сбережений для того, чтобы поддерживать неплохой уровень жизни после того, как Ричард уйдёт на пенсию. Впрочем, Линда и не требовала от супруга, чтобы тот целыми днями просиживал с газетой в кресле-качалке у камина в их уютной гостиной – по её мнению, Ричард вполне мог вернуться к написанию книг. Тем более, что кое-какой писательский опыт у Корригана уже был: лет пятнадцать назад собственное издательство Интерпола опубликовало его книгу по практике международного розыска похищенных предметов изобразительного искусства, и теперь её успешно использовали при подготовке новых сотрудников департамента. Благодаря лёгкому, доступному стилю изложения и увлекательным поворотам книга, которая, к тому же, базировалась на всем известных реальных событиях, пользовалась популярностью и у людей, не имевших отношения к розыску чего-либо, так что миссис Корриган несколько не сомневалась в том, что её супруг способен создать ещё не один шедевр.

Чтобы порадовать мать и поддержать отца, для которого утрата активной работы могла стать серьёзным ударом, Пол и Салли приготовили для них подарок – кругосветный круиз. Он должен был стать, по сути, первым совместным отпуском четы Корриганов после медового месяца, со времени которого прошло уже почти сорок лет...

Мысли Линды унесли её далеко, в самое начало восьмидесятых: вот они с Ричардом соединили свои судьбы воедино, произнеся слова клятвы в маленьком костёле в присутствии только самых близких родственников и друзей, вот после рождения Пола родные помогли им приобрести дом – тот самый, где они счастливо прожили целую жизнь... потом Линда узнала, что снова беременна, а Ричард столько работал, что его буквально никогда не было рядом... как раз тогда он стал принимать участие в операциях по всему миру и постоянно пропадал в командировках.

1983-й стал годом славы Ричарда Корригана, когда о нём узнали все: во многом благодаря ему удалось раскрыть «преступление века», как тогда писали газеты – похищение картин Рафаэля и других знаменитых художников из Национального музея изобразительных искусств в Будапеште. Стоимость похищенного оценивалась в 35 миллионов долларов, и весь мир искусства следил за ходом операции, затаив дыхание... Потом было ещё одно дело и ещё – так Ричард пропустил рождение дочери и её первые шаги, пропустил день, когда Салли сказала своё первое слово, дни, когда дети впервые пошли в школу, день, когда Пол забил свой первый гол в составе школьной футбольной команды, и день, когда Салли впервые призналась однокласснику в любви, а избранник не ответил ей взаимностью...

Своё извечное отсутствие дома Ричард Корриган компенсировал тем, что обожал свою семью и постоянно баловал домочадцев. Из каждой поездки он неизменно привозил всем кучу подарков и подолгу возился с детьми – Линда позволяла им не ложиться спать, пока дети сами не свалятся с ног от усталости и сильных эмоций. Господи, как же давно это всё было...

Дети преподнесли сертификат, когда Линда собрала всех на традиционный семейный ужин, который она обычно готовила раз в две недели по субботам. Так что на следующий день настроение миссис Корриган было чудесным: она разогревала на обед вчерашние бифштексы (трайфл на десерт пришлось готовить новый – от вчерашнего не осталось ни крошки) и планировала покупки к незабываемому отпуску. Надо купить себе новый хороший чемодан, и купальник, и летнюю шляпу с большими полями – непременно соломенную, и новое яркое платье, и... Женщина даже не услышала, что говорит ей муж, и очнулась от сладких грёз лишь тогда, когда Ричард переспросил:

– Линда, дорогая, с тобой всё в порядке? Ты услышала, что я сказал? А то ты как-то странно улыбаешься...

– Прости, что ты сказал? – мечтательная улыбка всё ещё не сходила с уст Линды. – Я просто думала, что нам ещё столько всего надо купить – круиз ведь уже через месяц с небольшим... А у меня нет ни купальника, ни шляпки! Да и тебе нужно... Всё-таки у нас замечательные дети, скажи?

– Дети замечательные, да... – терпеливо повторил мужчина. За столько лет совместной жизни он уже понял, что, пока жена щебечет о какой-то своей ерунде, её лучше не перебивать – иначе начнутся слёзы, обвинения Ричарда в чёрствости и в том, что он никогда её не слушает, и вечные обиды.

Произнеся на автомате ещё несколько счастливых фраз (что-то о правильном воспитании детей и долгожданном отпуске, который Корриганы заслужили) женщина, наконец, остановилась:

– Ричард, ты, кажется, хотел что-то сказать.

– Я... да. Прости. Тебе придётся обедать без меня.

– Без тебя? Почему? Что-то случилось?

– Бишоп хочет со мной поговорить.

– Бишоп? – Линда насторожилась. То, что с мужем хочет поговорить незнакомый ей человек (к тому же, названный лишь по одной фамилии), ничего хорошего женщине не сулило. Наверняка это снова работа – причём какое-то новое дело, которое грозило срывом всех её планов. – Какой ещё Бишоп?

– Из «наркотического» департамента. Мы с ним пересекались пару раз по работе.

– Из «наркотического»? Что за дело у него может быть к тебе? Ты же не занимаешься наркотиками!

– Наркотиками – нет, – мягко согласился Ричард. – А картинами – да... Они вроде взяли кого-то... на границе с Мексикой... То есть не они, а американские коллеги... вот... и там

нашлись картины, которые у нас давно в розыске... Ну что я тебе объясняю, я сам почти ничего не понял из сумбурной речи Бишопа! Это не телефонный разговор. Мы должны встретиться.

Линда медленно опустилась на стул. Картины. Вот оно. То, что разрушит её планы на идеальный отпуск. В глубине души женщина продолжала надеяться на то, что, если эти картины уже нашлись, значит, ничего больше расследовать не надо, и это всё-таки не начало нового дела, а просто закрытие какого-то старого, но что-то ей подсказывало, что, если Ричарду позвонили в воскресенье, то всё не может быть так просто.

– Я пойду? – нерешительно спросил Корриган, переминаясь с ноги на ногу, как будто от ответа жены что-то зависело.

– Куда?

– На встречу с Бишопом. Он ждёт меня в пабе за углом.

– Да, конечно... – Линда услышала свой голос со стороны и удивилась тому, насколько тускло он прозвучал. Если Ричард что-то решил, бесполезно пытаться заставить его поменять решение.

– Ну не расстраивайся ты так, дорогая! – Мужчина начинал чувствовать себя виноватым. – Он же не задержит меня до ночи! К ужину я точно вернусь. Можем накрыть стол в гостиной и зажечь свечи, как ты любишь.

– Иди уже, – устало сказала Линда и выключила плиту, где на сковородке всё ещё шкварчали аппетитные бифштексы.

– Ты у меня умница! – Корриган поцеловал жену и резво умчался переодеваться.

«Вот так всегда, – горько подумала Линда. – И это не закончится ни-ко-гда»...

Глава 3

Выходные Котова пролетели быстро – в пятницу, пока Рита была на работе, он с друзьями играл в покер почти до субботнего утра: все разъехались уже когда светало. Девушка, вернувшись на такси после продолжительной рабочей смены (по пятницам и субботам кафе работает до последнего клиента, а в эти дни они, как правило, никуда не спешат), разминувшись с гостями Котова всего на несколько минут.

Юрий неожиданно много проиграл в покер, однако получил огромное удовольствие от игры и общения с близкими по духу людьми, но вместе с тем и усталость, так что полсубботы он тупо проспал. Вечером Рита приготовила ужин, и они несколько часов смотрели романтические комедии, а воскресенье ей пришлось снова выйти на работу – вместо заболевшей напарницы, и Котов провёл чудесный лентяйский день – проспал до обеда, заказал доставку индийской еды на дом и читал Лавкрафта до самого возвращения девушки, ни разу не вспомнив ни об отце, ни о ритуальных убийствах, ни о своём детстве.

Рита устала так, что ей не хотелось даже есть – она приняла душ, намазалась своими душистыми кремами с ног до головы, переделалась в смешную пижаму с медвежатами и рухнула в постель лицом в подушку, а парень до полуночи смотрел стенд-ап-шоу, отложив поиск криминальных новостей на завтра. Юрий не удосужился прочесть даже то, что заботливо нашла и распечатала для него девушка. Он как мог гнал от себя мысли о своём, как он считал, пропавшем детстве, об отце, о котором не было вестей уже много лет, и о мистическом совпадении с резной миниатюрой, хотя сам даже не осознавал, что он это делает.

Утром в понедельник Котов подогрел себе на завтрак блинчики с творогом и приготовил кофе, а для девушки оставил на столе рекламный буклет службы доставки (как и он, Рита обожала индийскую еду) и короткую записку нежного содержания.

Шереметев уже неделю был в отъезде, оставив Юрию кучу всевозможных поручений – в числе которых было подписание рабочих бумаг и решение мелких рутинных вопросов.

Котову нравился кабинет шефа, и когда он замещал Шереметева, то (разумеется, по согласованию с последним) всегда работал именно там.

На самом деле обстановкой кабинеты отличались не так уж и сильно – большое кожаное кресло на колёсиках, добротный стол с выдвигаемыми ящичками, этажерка с документами, шкаф для верхней одежды, мусорная корзина, пара стульев для посетителей и большие окна с видом на Тверскую. Кабинет шефа был немного просторнее, для посетителей были предусмотрены два кресла и диван, у окна кулер, а на угловой тумбе – небольшая кофемашина: шеф был заядлым кофеманом, как и сам Котов. На открытых полочках тумбы всегда можно было найти кофейный сервиз, капсулы с отличным кофе, сливки, сахар и неисчерпаемый запас печенья – за регулярным пополнением запасов следила секретарша.

Юрий приготовил очередной кофе (пил он из собственной, чайной, кружки, которую принёс из своего кабинета). Осознав, что это уже третий за утро, он подумал и добавил в кофе порцию сливок, чтобы немного смягчить терпкий вкус напитка, и стал подписывать бумаги. Счета на оплату канцтоваров и мобильной связи сотрудников галереи, акт выполненных работ за услуги кейтеринговой службы (в этом месяце в галерее состоялось открытие выставки китайского фарфора шестнадцатого века, на котором к услугам гостей был сервирован роскошный шведский стол с десятками всевозможных закусок и напитков), и целый ворох договоров с владельцами коллекций на будущие экспозиции и аукционы... Ко всеобщему удивлению, очередной финансовый кризис не особенно сильно ударил по антикварному бизнесу. Доходы

Шереметева не только не снизились, но даже выросли, и шеф (без единого намёка со стороны сотрудников) повысил всем зарплату – в то время, когда в других сферах вместо повышений окладов прошли только сокращения.

Через час Котов закончил с бумагами и стал разбирать электронную почту. Когда он пил четвёртый за сегодня кофе (снова со сливками) – хотя на часах ещё не было и двенадцати, – в кабинет, цокая шпильками, вошла Леночка, молоденькая секретарша Шереметева и всеобщая любимица. Хрупкая блондинка в безупречном бежевом костюме всегда пребывала в отличном расположении духа и тонко чувствовала настроение окружающих.

– Я за документами, – девушка взяла со стола красную папку с наклейкой «на подпись». – Всё подписано?

Юрий кивнул, не глядя на неё, и отхлебнул кофе, держа кружку в левой руке – в правой была компьютерная мышь. Леночка неодобрительно покачала головой:

– Это уже какой кофе за сегодня?

– Четвёртый. А что?

– Хотите получить сердечный приступ, Юра?

Парень усмехнулся и посмотрел на сотрудницу. У неё были удивительно красивые голубые глаза.

– Это будет не худшее событие в моей жизни, поверьте. На больничной койке я точно не буду стоять в пробке, или подписывать документы, или отвечать на письма психопатов и звонки... пожалуй, вообще ни на чьи звонки не буду отвечать.

Леночка понимающе кивнула:

– Плохой день?

– Плохая жизнь.

Леночка кисло улыбнулась: она ненавидела чёрный юмор.

– Всё будет хорошо, – сказала девушка. – Попробуйте отвлечься. Подумайте о чём-нибудь хорошем... Кстати, через полчаса у вас встреча.

– Встреча, – машинально повторил Котов.

Ни о какой встрече парень не помнил – в последние дни он, как ни старался, не мог сосредоточиться ни на чём: мысли то и дело перескакивали на воспоминания об отце и детские рисунки со странной фигуркой. Со временем эти мысли стали такими настойчивыми, что их уже было не отогнать.

– Ну с австралийкой этой, Анной Строгофф! Приедет поговорить о своей выставке. Вы разве забыли?

Ну конечно, австралийка! Юрий вспомнил, что перед отъездом шеф предупредил его о встрече – Анна была давней знакомой Шереметева, и предварительно они согласовали, что в галерее будет выставлена какая-то коллекция женщины – с целью продажи с аукционом. Такие мероприятия происходили в галерее время от времени, хоть и не слишком часто. В зависимости от предмета коллекции к её подготовке к выставке-продаже привлекались разные сотрудники. Прерогативой Юрия были в основном резные предметы искусства.

В приёмной зазвонил телефон, и Леночка убежала, быстро цокая шпильками, а Котов откинулся на спинку кресла и попытался вспомнить, что именно шеф говорил об этой своей приятельнице.

Родилась и жила Анна в СССР, работала в каком-то областном краеведческом музее... когда ей было уже под тридцать, она всё ещё была не замужем – а в то время это было почти предосудительно. Женщина уже совсем было отчаялась, когда подруга посоветовала обратиться в одно брачное агентство, специализировавшееся на знакомствах с иностранцами...

Некоторое время спустя Анна переписывалась с австралийцем намного старше себя – из семьи мигрировавших во время революции русских. Ещё через несколько месяцев Союз распался, а австралиец сделал женщине предложение. На родине её ничего не держало – родных не было, музей подлежал расформированию (экспозиции перевозили в соседнюю область), и Анна рискнула. Через год она уже была замужней дамой и (к огромной своей радости) молодой мамой... Муж Анны, человек весьма обеспеченный, владел небольшой юридической фирмой и коллекционировал статуэтки со всего мира. Недавно он умер, и вдова унаследовала всё его немалое состояние. Анна не разбиралась ни в бизнесе мужа, ни в его коллекции, поэтому решила всё распродать, положить деньги в банк и жить на проценты, ни в чём себе не отказывая. В принципе, это желание можно было понять – много кто на её месте сделал бы то же самое. Но если с бизнесом всё обстояло относительно просто (деловой партнёр супруга сразу же согласился выкупить его долю за весьма приличную сумму), то куда девать коллекцию мужниных фигурок, женщина не представляла.

Тогда она и вспомнила об Аркадии – когда-то давно они вместе изучали в университете музейное дело, и теперь время от времени переписывались, поддерживая дружескую связь. Узнав о том, что Шереметев – владелец собственной галереи с антикварным магазином, Анна попросила о помощи, и мужчина сразу же согласился, предвкусывая, в том числе, и личный гешефт...

Анна оказалась интеллигентной женщиной лет пятидесяти пяти – полноватой, но одетой со вкусом: тёмно-синее бархатное платье удачно скрывало недостатки фигуры, а декольте подчёркивало её неоспоримые достоинства. Тёмные волосы без намёка на седину подобраны вверх и уложены волосок к волоску. Свежий маникюр, сдержанный макияж, до блеска начищенные туфли. Довольно свежее, моложавое лицо, как решил позже Котов, не несло отпечатка недавнего траура – как будто женщина не позволяла себе тосковать об умершем муже. Она вошла в кабинет Шереметева без стука и решительно протянула Юрию руку:

– Анна Строгофф.

Котов пожал мягкую женскую ладонь и предложил гостье кресло, а сам вернулся за стол. Леночка принесла кофе. Напиток Анны источал тонкий аромат апельсина и гвоздики: у секретарши был талант угадывать, кто какой кофе предпочитает. Кофе Юрия, как ему почудилось, содержал двойную порцию сливок, сгладивших и терпкость, и крепость напитка. Сахара, к его облегчению, в чашке не оказалось.

– Коллекцию начал собирать мой свёкр, – без лишних предисловий начала Анна. Женщина осторожно попробовала кофе, секунду подумала и удовлетворённо кивнула секретарше. Леночка улыбнулась и вышла из кабинета, довольная собой. – Его отец приехал в Сидней из России во время революции. Говорят, к старости он совсем тронулся умом – всё время говорил о какой-то фигурке, которую вырезал из кости его друг, известный в то время скульптор. Даже пытался её рисовать у себя в дневнике... После его смерти свёкр заинтересовался и стал искать эту фигурку... И не нашёл. Но зато нашёл другие, похожие по описанию на ту, только... немного недоделанные, что ли... Впрочем, они тоже оказались весьма ценными...

Котов чуть подался вперёд:

– А ту самую нашли? Или... её не существует?

Женщина сделала ещё глоток кофе и поставила чашку на стол.

– Ну почему же... существует. Мой муж... Артур... нашёл фигурку. Она находилась в постоянной экспозиции в краеведческом музее – в том, где я работала, в Архангельской области... После развала Союза наш музей расформировали – что-то перевезли в другие музеи, что-то попало в заказники... что-то было продано... Так фигурка попала к моему мужу... Из всех этих похожих фигурок она одна законченная, поэтому отличается от других... Вы сами увидите – она как будто гипнотизирует... Конечно, в коллекции есть и другие фигурки, не

похожие... Всего их... штук, наверно, пятьдесят, – задумчиво сказала Анна. – Честно говоря, я не большой специалист по этой коллекции... и не хочу продолжать это коллекционировать и вообще держать в своём доме. Я собираюсь её продать – Аркадий вам, наверное, говорил.

Юрий услышал звук входящего СМС на своём телефоне и решил, что прочтёт позже. Он был заинтригован:

– А где сама коллекция? Вы привезли её с собой в Москву?

Женщина посмотрела на него так, словно хотела сказать: «Парень, ты в своём уме вообще?».

– С собой у меня только фотографии, – Анна открыла «шанелевскую» сумочку и, не глядя на Котова, стала перебирать в ней разные предметы. – Помощник Артура... То есть мой... оформляет сейчас документы на вывоз коллекции. Как вы понимаете, за один день такие вещи не делаются.

Анна достала из сумочки конверт с фотографиями и передала Котову.

– Мой сын Джеймс приехал в Москву вместе со мной. Думаю, он сможет рассказать вам гораздо больше, чем я – он как-то проникся, в отличие от меня... Я попрошу его зайти, если хотите.

– Да, пожалуйста, если вам не трудно. Мне нужно немного больше информации, чтобы понять, с чем предстоит работать.

– Завтра в первой половине дня вам будет удобно?

Юрий кивнул и украдкой взглянул на телефон: СМС было от Риты – девушка обещала устроить любимому незабываемый вечер.

– А... простите, Аркадий когда будет в Москве?

Котов отвлекся от телефона:

– В пятницу должен быть уже в офисе, так что, скорее всего, в Москву он вернётся в четверг. Но точно не знаю. Вам лучше ему позвонить.

– Спасибо, я так и сделаю. Ну, мне пора. – Анна встала. – Думаю, фотографии вы можете посмотреть и без меня...

Женщина ушла, оставив после себя ускользающий аромат пряных духов. Оставшись один, Юрий аккуратно распечатал конверт, достал фотографии и обомлел: фигурки, изображённые на фото, он уже видел.

***

Когда Корриган, одетый в безупречно выглаженные тёмно-синие брюки и того же оттенка шерстяной пуловер, наконец, пришёл в паб, Дуглас Бишоп в мятом сером костюме пил уже второй эль. Впрочем, он не выглядел утомлённым ожиданием – мужчина явно получал удовольствие от напитка.

– Супруга? – понимающе спросил он, обменявшись коротким рукопожатием с коллегой.

– Ага, – так же коротко ответил Корриган, присаживаясь рядом и подавая знак бармену. – Всё мечтает о моей пенсии, будь она неладна.

– Слышал, это уже вроде на следующей неделе?

– Вроде того... Если что-нибудь, – Ричард спрятал в усах многозначительную улыбку, – снова не помешает.

– Мы будем ходатайствовать о том, чтобы твой выход на пенсию отложили, – понимающе улыбнулся в ответ Бишоп. – Там ведь твои картины нашлись.

– Брось, приятель, если бы дело было только в картинах, которые уже нашлись, ты не позвонил бы мне в воскресенье, – Корриган посмотрел в глаза коллеги, пытаясь найти там подтверждение своему предположению, и нашёл его: глаза Бишопы не улыбались. Инспектор был необычайно серьёзен. – Давай, выкладывай.

Час и две кружки эля спустя Корриган был кратко посвящён в произошедшее в Эль-Пасо, маленьком городишке на границе США и Мексики.

Несколько дней назад был убит криминальный авторитет Санчес, которого долгое время не могло взять ФБР. Обстоятельства смерти неоднозначны: это могло быть и самоубийство, хотя видимых причин для этого не было. Ни родные, ни соседи ничего не видели и не слышали, записи наружных и двух внутренних видеокамер оказались затёрты: специалисты занимаются их восстановлением. На разборки кланов не похоже – приближённые Санчеса уверены в том, что никого из участников конкурирующих банд в тот день в Эль-Пасо не было. Собственно, «коллеги» Санчеса и сами хотят знать, кто его «завалил», иначе не обратились бы в полицию.

При осмотре дома был обнаружен подвал, битком набитый всевозможными ценными вещами и музейными экспонатами – картины, скульптуры, драгоценности... В их числе оказались картины, за которыми давно охотился Корриган – они всё ещё числились в международном розыске: два Матисса, Рембрандт и четыре Пикассо. После окончания следствия всё, конечно, вернут в музеи, где экспонаты и находились до того, как были похищены. Это будет громкое событие: общая стоимость богатства, изъятого у убитого наркобарона, исчисляется триллионами долларов.

– Ну ясно, – пробормотал Корриган. – Один Пикассо чего стоит!

Но вот что странно: убийца не взял ничего, хотя каждая из находившихся в тайнике вещей стоила целое состояние. Пропали только две маленькие резные костяные фигурки, которые были убитому дороже всего остального добра: вдова сообщила, что Санчес мог смотреть на них часами. Работы девятнадцатого века, ничего особенного – изображают английского солдата конца семнадцатого века и бедного индийского крестьянина того же периода. По признанию вдовы, Санчес неоднократно говорил – то ли в шутку, то ли всерьёз, – что готов убить за них. Но теперь, видимо, убили его самого...

Миниатюры не имеют какой-то особой ценности, но они уникальны: обе вырезаны с мельчайшими подробностями: вплоть до того, что под слоем ажурной одежды просматриваются скелеты человечков и их внутренние органы (Бишоп видел фотографии собственными глазами, обещал прислать их Корригану). По предварительным данным, фигурка англичанина похищена несколько лет назад из музея Клуни в Париже – музей собирался её приобрести, но эксперт даже не успел оценить стоимость вещи – фигурку выкрали прямо из его кабинета. Миниатюра, изображающая индуса, была похищена из Баварского национального музея в Мюнхене задолго до этого случая – тогда пропала целая коллекция изделий из слоновой и моржовой кости; позже было найдено всё, кроме этой фигурки.

Корриган был заинтригован.

– Но ты сказал, что фигурки не имеют какой-то исключительной ценности.

Бишоп кивнул:

– Таково предварительное заключение экспертов. Но очевидно, что убийство как-то связано с их похищением. И пока кража не будет раскрыта, убийство останется «висяком». Мы должны узнать, кому и зачем могли понадобиться эти фигурки. Тем более... – Бишоп наклонился к коллеге и, понизив голос, доверительно закончил: – Что это не единственное убийство, связанное с этими чёртовыми фигурками.

Три часа спустя Ричард Корриган ужинал с женой при свечах в полной тишине – Линда так и не решилась спросить мужа, как прошла его встреча с коллегой.

Женщина возлагала большие надежды на этот ужин: ей казалось, что Ричард, сам себе в том не признаваясь, уже очень сильно устал за много лет работы, и достаточно лишь ещё разок

расписать ему прелести давно заслуженного отдыха, чтобы он сдался и решился, наконец, уйти на пенсию. Линда потратила немало времени на то, чтобы их и без того уютная гостиная стала этим вечером ещё уютнее и романтичнее: зажгла свечи и сервировала журнальный столик у камина. Подсознательно соперничая с работой супруга, миссис Корриган успела красиво уложить волосы и, решив не откладывать сюрпризы на потом, надела новое вечернее платье, которое было куплено ещё несколько лет назад и с тех пор висело в шкафу без дела; женщина собиралась взять его в круиз. Еда была вкусной, трайфл получился бесподобным, а Линда в новом образе была просто обворожительна – но мистер Корриган не замечал ни романтической обстановки, ни приятных перемен во внешности жены.

Инспектор был полностью поглощён мыслями о том, что рассказал ему Бишоп: три убийства.

Одно – на границе с Мексикой, которое произошло совсем недавно. Второе – в прошлом году в Пакистане: вор убил местного коллекционера, украл у него фигурку (к слову, это оказался английский офицер в форме семнадцатого века) и попытался нелегально переправиться с ней в Индию, куда гражданам Пакистана въезд запрещён. Его поймали ночью на границе. Преступник сопротивлялся недолго, но из его признания ничего нельзя было понять: он всё твердил, что совершил убийство ради Учителя, которому должен доставить фигурку – причём этот Учитель якобы внушал ему всё, что он должен сделать, на расстоянии, а сам в это время находился в Индии. Вместо тюрьмы преступника ожидала психиатрическая экспертиза и, видимо, длительное лечение... А фигурка потерялась при перевозе на склад улик – осталось только фото.

Третье убийство, строго говоря, таковым не являлось: японский коллекционер, в знак особого расположения, сам подарил фигурку американскому деловому партнёру (который позже продал подарок на e-bay), но, проведя несколько дней в депрессии, решил, что не выдержит разлуки с миниатюрой, о чём и сообщил родным в предсмертной записке – и покончил с собой.

Итак, все три смерти связаны с коллекцией вырезанных из кости фигурок, которые ничем, кроме мельчайшей детализации исполнения (по всей видимости, весьма талантливого исполнения), не отличаются. В деле присутствовала и мистическая сторона – поговаривали, что эти фигурки выглядят как живые маленькие человечки, и что, если достаточно долго смотреть на них, можно даже увидеть, как у них бьётся сердце, – но всю эту напускную таинственность Корриган отверг сразу: его дело – факты. Факты, факты, и ещё раз факты. Жёсткие и неумолимые. Произошло преступление. И Ричард был заинтересован в том, чтобы его раскрыть.

Стараясь не смотреть на жену, которая и так уже всё поняла без слов, Ричард достал из кармана свой телефон, набрал номер Бишопа и сказал:

– Это Корриган. Я согласен.

Глава 4

Котов вернулся домой уставший, весь в мыслях о своём прошлом, о маленькой резной фигурке, об отце, о ритуальных убийствах в Москве и коллекции Строгофф. Как это всё связано между собой – и действительно ли связано? Едва ли не впервые в жизни Юрия окружали сплошные загадки, разгадать которые было необходимо, и чем скорее, тем лучше: ему казалось, что ещё чуть-чуть, и эти загадки начнут жрать его изнутри – полная неизвестность относительно судьбы отца, так рано ушедшего из его жизни, детской болью распространялась по всему телу, ядом растекаясь по венам и заполняя собой мозг.

Марго однажды сказала, что взаимосвязь есть всегда, между любыми людьми, вещами и событиями, даже если на первый взгляд они кажутся абсолютно независимыми друг от друга. Мы все – суть одно, сказала она. Одна душа. С тех пор Юрий подсознательно искал взаимосвязи во всём.

Парень оставил машину у дома, вошёл в подъезд и поднялся на лифте на свой этаж. Дверь в квартиру не была заперта на замок. Рита хлопотала на кухне – в воздухе витал запах жареной курятины с кучей восточных специй. На всю квартиру грохотала *Lacrimosa*. Юрий тихонько подошёл к девушке сзади и поцеловал в плечо. Та подскочила и прижала руки к груди:

– Как ты меня напугал!

Юрий пошутил:

– А если бы это были воры? Вдруг тебя украли бы у меня? А я ведь уже к тебе привык...

Девушка едва улыбнулась:

– Ты нашёл меня не для того, чтобы так просто потерять. Я тебе нужна, – она вопросительно посмотрела в глаза Котова. Он молча крепко прижал её к себе. Рита быстро обняла его в ответ, но тут же, извинившись, высвободилась из объятий и отвернулась к плите. – Ужин будет готов минут через двадцать. Я только начала.

В ожидании ужина Котов решил принять душ – не потому, что чувствовал в нём необходимость, а потому что хотел ещё немного побыть наедине с собой. Все его мысли, как бы он этому ни сопротивлялся, снова заняла Марго – потрясающе умная девушка, она всегда, в любой ситуации, находила нужные слова. Всегда знала, что сказать, как утешить... Эта же способность была и у Риты, но всё-таки с Ритой всё было совсем не так – конечно, она тоже обладала тонким женским чутьём и умела увидеть ситуацию с другой стороны – со стороны, недоступной Котову, даже когда речь шла о нём самом... Но утешение Риты было сродни утешению матери, которая не решает детские проблемы, а лишь отодвигает их во времени, переключая внимание ребёнка на что-то другое: не плачь о том, что мы все умрём, малыш – ведь сейчас мы живы, солнышко светит, а я куплю тебе вкусное мороженое... Говорить с Ритой иногда было то же самое, что говорить с самим собой.

Марго была не такая. Её мудрость и логика была совсем иной: да, мы умрём, но это не страшно – мы не исчезнем навсегда, а просто будем другими, не такими, как сейчас, и всё вокруг будет другим... Марго никогда не отодвигала решение проблемы во времени, а, наоборот – заостряла эту проблему до такой степени, что она приобретала совсем другие, космические масштабы – такие, что любое её разрешение вообще теряло всякий смысл. Проблема переставала быть проблемой. И сейчас, когда жизнь Котова шла на очередной резкий поворот, когда у него появились новые вопросы, когда осложнились отношения с матерью, когда на работе творилась непонятная чертовщина, Марго была ему необходима, хотя в этом и трудно было признаться. Причём парень не ждал от неё ответов на свои многочисленные вопросы – ему просто отчаянно хотелось выговориться. Именно ей, не кому-то другому. Говорить с ней

было удивительно легко. Она всегда понимала людей как никто другой, и никогда никого не жалела. Некоторые их общие друзья считали Марго холодной и временами жестокой, но Юрию она нужна была именно такой. Он не нуждался в жалости и сочувствии, он жаждал чего-то иного, чего Рита – как, впрочем, и любая другая девушка – дать не могла, и Котов старался убедить себя в том, что давно с этим смирился. К Марго возврата нет, и с этим придётся жить.

В конце концов, иногда достаточно уже того, что ты не один. Рядом с тобой кто-то есть. И даже если этот кто-то лишь повторяет твои собственные слова и озвучивает в сотый раз твои же мысли или высказывает какие-то банальные вещи, это всё равно лучше, чем говорить с самим собой. Наличие живого собеседника даёт основание считать себя психически нормальным.

Вытирая махровым полотенцем мокрые волосы, Юрий окончательно выбросил Марго из головы. Да, он понимал, что это не насовсем, а лишь на какое-то весьма непродолжительное время. Но сейчас этого было достаточно.

Еда была потрясающе вкусной – что-то, а готовить Рита умела. Ароматное жареное мясо прекрасно оттенялось овощным салатом с восточными специями, но, хотя Котов и любил изысканную еду, в тот вечер ему было всё равно, что есть.

– Что-то не так?

Юрий очнулся:

– Прости. Ты что-то сказала?

– Что-то не так? Тебе не нравится еда?

– Конечно, нравится, милая. Просто...

Рита вздохнула:

– Опять работа, да?

– Типа того... Я говорил, что у меня сегодня была встреча? Знаешь... так странно...

Пока влюблённые ели, Котов рассказал девушке об Анне Строгофф и коллекции её покойного супруга – точнее о фигурке, похожей на ту, что некогда принадлежала отцу Юрия, и на ту, что нашли на месте ритуального убийства, и всё это странно, и во всём этом наверняка есть какая-то взаимосвязь. Но какая?

– Боюсь, я этого так и не узнаю, – вздохнул Котов. – И это хуже всего.

Рита секунду подумала:

– Подожди, а ты вроде говорил, у тебя есть какой-то друг в жёлтой газете... Рептилоид, кажется. Он может тебе помочь, как ты думаешь?

– Не знаю... Вообще он, конечно, предлагал помощь... Только я не уверен, что её стоит принимать...

– Почему?

Юрий вздохнул:

– Понимаешь, Рептилоид неплохой мужик, но фантазия у него просто безграничная. Ты себе не представляешь. В целом это можно терпеть, и его воображение даже делает его неплохим собеседником... Но эти фигурки, это всё... это очень важно для меня. Я бы даже сказал, слишком важно. И мне сейчас нужны факты, а не чьи-то домыслы.

– Почему ты думаешь, что Рептилоид не сможет добыть тебе факты? Думаешь, он опять что-то нафантазирует? Но разве ему есть смысл тебе врать?

– Смысла врать нет, но проблема в том, что он сам всегда искренне верит во всё, что слышит. И даже в то, что придумывает сам. Так что я не уверен, что смогу ему доверять. Скорее даже наоборот...

– Зря ты так. Мне кажется, ты относишься к нему с предубеждением. А он реально может тебе помочь. Тем более, тебе всё равно больше не к кому обратиться – к частному детективу разве что...

– Об этом я уже думал, – мрачно отозвался Котов. – И дело даже не в деньгах, а в том, что я просто не знаю, что сказать детективу и как ему объяснить, чего я хочу...

– А вообще, кто может рассказать тебе что-нибудь об отце? Родные, его бывшие коллеги, соседи? Можешь кого-то найти?

Котов качал головой.

– Юр, а может, ты всё-таки позвонишь маме?

– Нет, это вообще не вариант. Она увезла меня в Краснодар ещё когда я был маленьким. Никаких родственников у нас нет – а может, вообще никогда не было, я не знаю. Я даже не знаю, где мы жили раньше, не помню соседей, друзей. И они наверняка меня не вспомнят.

– А соцсети?

– Пробовал. Ничего. Даже странно... Даже однофамильцев нет.

– Получается, у тебя нет совсем никого?

Котов подумал и криво усмехнулся:

– У меня есть ты. И ещё друзья.

Рита спросила:

– Ты ведь и Рептилоида считаешь своим другом? – Юрий кивнул. – Тогда ты должен ему довериться. Выбора у тебя всё равно пока нет. Так что позволь ему хотя бы попытаться помочь тебе, а уже потом будешь решать, чему верить, а чему – нет...

Парень задумался.

– Наверно ты права... Рит... спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты со мной... И... – Котов растерянно посмотрел на опустевшую тарелку. – Прости за ужин – как-то не слишком романтично получилось.

Рита улыбнулась и погладила любимого по руке:

– Это ничего... Хочешь, поищем новости про эти убийства? Мало ли – вдруг ещё что-то обнаружится...

Однако обнаружилось совсем не много: убитые – обычные подростки, каких в Москве тысячи. Ни в чём не замечены, ничем не выделялись из толпы сверстников. Да и само убийство, хоть и было по смыслу резонансным, казалось, не слишком удивляло полицию: рассматривалась даже версия двойного самоубийства, хоть и при весьма странных обстоятельствах.

О маленькой резной фигурке, мелькнувшей в первом новостном репортаже, не было ни слова...

***

В 10:15 по лондонскому времени роскошный, белый с красным, лайнер Airbus A330, принадлежащий компании Air India, приземлился в международном аэропорту Хитроу.

Самолёт подкатился к зданию аэропорта, открылась дверь... Первым из салона вышел единственный пассажир бизнес-класса – высокий индус крепкого телосложения в традиционном белоснежном одеянии. В его тёмных волосах и аккуратной бороде виднелась седина. Стюардесса в бордовом костюме, с идеально уложенной причёской и вишнёвыми губами, почтительно поклонилась пассажиру, сложив ладони в прощальный жест:

– Благодарим вас за то, что выбрали нашу авиакомпанию, сэр. Будем рады снова приветствовать вас у нас на борту. Свой багаж вы можете получить...

Мужчина коротко кивнул и, не дослушав, зашагал прочь. Стюардесса невольно залюбовалась, глядя на его идеальную осанку и лёгкую пружинистую походку.

Очнулась она от голоса, раздавшегося прямо у её уха:

– Послушай, мне всю дорогу не давало покоя... В общем... – девушка с бледной коралловой помадой на губах и ярко подведенными глазами замялась. – Может, конечно, это не моё дело...

– Давай говори. – След таинственного пассажира уже простыл, а проводившая его стюардесса всё ещё продолжала улыбаться, глядя в сторону, куда он ушёл.

– Я посмотрела документы – у нас не было на рейсе бизнес-пассажиров...

– Постой, ты о чём? – улыбка первой стюардессы таяла на глазах. – Я не понимаю. Ты что – ты намекаешь...

– Я не намекаю, Шапти, я прямо тебе говорю, – твёрдо ответила её коллега. – Я позвонила в офис и проверила: на наш рейс не было. Продано. Ни одного. Билета. В бизнес-класс. Только «эконом».

– Что?!

– Хотели даже подать другой лайнер, но не успели – Tata Motors сдали билеты сотрудников в последний момент, у них там что-то перенеслось...

– Послушай, Амрита, я тебе клянусь... – Шапти смутно чувствовала, что в чём-то провинилась, но до конца не понимала, в чём именно. Под взглядом коллеги её уверенность в себе улетучилась вслед за улыбкой. Но долго рассуждать было некогда – «эконом-пассажиры» уже томилась в ожидании у выхода. – Я тебе клянусь: я видела его посадочный талон. У этого мужчины был оплачен бизнес-класс.

Амрита скривила тонкие губы:

– Так, всё, ладно. Потом разберёмся. – Девушка кивнула кому-то в салон: – Благодарим вас за выбор нашей авиакомпании и желаем хорошо провести время в Лондоне, сэр. Надеемся снова увидеть вас у нас на борту, мэм.

Длинной вереницей из салона белоснежного лайнера потянулись пассажиры, но Шапти почти никого не видела – её глаза застилала пелена готовых пролиться слёз: она была абсолютно уверена в том, что у высокого статного индуса был билет в бизнес-класс. Иначе она ни за что не усадила бы его в не полагающееся по статусу кресло и не обслуживала бы соответствующе во время полёта. Но Амрита была так уверена, что... Разве может такое быть? Шапти отказывалась в это верить. Её послужной список был безупречен, она ни разу не допустила ни малейшей ошибки. И всё же слова коллеги заставили её усомниться. Могла ли она настолько попасть под очарование пассажира, его бездонных глаз и лёгкой улыбки, чтобы вместо «эконом» посадить его в бизнес-салон? Мужчина, безусловно, был очень обаятелен, но всё-таки недостаточно для того, чтобы вскружить голову Шапти – он же ей в отцы годится, и Шапти бы никогда...

А может быть, виной всему стало её вчерашнее расставание с Раджитом?

Они были знакомы с самого детства, буквально с пелёнок – их семьи очень дружны. Шапти с Раджитом родились в один день, и их родители в шутку обещали друг другу поженить своих детей, когда те достигнут соответствующего возраста.

Супругов индусам до сих пор зачастую выбирают родители, и дети не всегда понимают и принимают их выбор, но только не в этот раз – Раджит и Шапти были влюблены друг в друга всегда, сколько себя помнили. Начав встречаться ещё в школе, они были вместе много лет. Потом была учёба, работа... Шапти, исполнив свою детскую мечту, стала стюардессой, а Раджит пошёл по стопам отца – одного из крупнейших банкиров в стране.

Два года назад молодой человек по настоянию родителей уехал в Великобританию на стажировку, и Шапти изнывала от ожидания. Они продолжали общаться по телефону и скайпу, и даже иногда встречались, когда девушка прилетала с рейсом в Лондон – и ничто не предвещало того, что произошло вчера: во время очередной видеосвязи по скайпу Раджит вдруг признался, что любит другую. И это в то время, когда Шапти уже считала дни до его возвращения домой – и, конечно, долгожданного предложения руки и сердца!

В один миг весь мир перестал существовать для девушки. Рухнуло всё, что она строила много лет, всё, что было ей дорого. Всего несколько слов – и Шакти потеряла всё, что было её жизнью. Но работа есть работа – и уже на следующий день она с припухшими от слёз глазами и разбитым сердцем отправилась в новый рейс. И тут – такое...

Шакти стала прикидывать, чем может загладить свою вину перед работодателем. Она уже готова была оплатить авиакомпании разницу в стоимости полёта бизнес и эконом класса, какой бы ощутимой ни была для неё эта сумма. Главный вопрос был в другом: будет ли этого достаточно, или за вычетом из зарплаты последует ещё какое-то, более страшное, наказание.

Ход мыслей Шакти снова прервала Амрита:

– Двести сорок два.

– Что?

– Двести сорок два, Шакти. Всё верно.

– Подожди, ты о чём? Я не понимаю...

– Ну, я только что пересчитала пассажиров – подумала, мало ли... может, не заметила, может, кто-то пересел... но нет: пассажиров двести сорок два – ровно столько, сколько проданных билетов, и все в эконом-класс... Так что я тебе не завидую, Шакти... Извини, но я вынуждена сообщить об этом в головной офис. У меня просто нет выбора.

– Ничего, я понимаю, – попыталась улыбнуться Шакти, а про себя подумала: «Мне конец»...

Глава 5

День спустя после разговора с Марго, Юрий Котов приехал на работу, где его уже ждали в кабинете Шереметева – молодой человек среднего роста с широким добродушным лицом и короткими светло-рыжими волосами. Тёмно-серый костюм на нём был явно дорогой, сшитый на заказ, но под пиджаком виднелась простая чёрная футболка с фотографией Моррисона, а за отвернутым лацканом свисали наушники. Котов сразу понял, кто это.

– Доброе утро, – он протянул руку для пожатия и слегка улыбнулся.

– Здравствуйте, – посетитель пожал руку и представился: – Джеймс Строгофф.

Карие глаза смотрели внимательно и спокойно.

– Мать просила меня зайти к вам, поговорить... это насчёт нашей семейной коллекции.

Акцент Джеймса был чуть сильнее, чем у Анны, но по-русски он говорил прекрасно – если не знать наверняка, что он иностранец, то об этом можно было и не догадаться. Юрий смерил гостя взглядом – тому было не больше тридцати.

– Можно на «ты», – Юрий жестом предложил Джеймсу сесть, а сам занял кресло начальника. – Значит, вы решили продать коллекцию твоего отца... которую он собирал всю жизнь.

– Мать решила, – хмуро заявил Джеймс. – А я ничего не решал, меня никто не спрашивал. И я этого не хочу. Так что сразу предупреждаю: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы до продажи не дошло. Это и моё наследство тоже, поэтому... Выставка – пожалуйста. Но продажа – нет. Категорически. Так и знай.

– Эта коллекция так дорога тебе?

– Фактически это единственная память о моём отце, – Строгофф на секунду отвернулся и посмотрел в потолок. Юрию был знаком этот взгляд – Марго всегда делала так, когда хотела скрыть готовые пролиться слёзы. Кажется, в последний раз он видел это целую вечность назад. – Это единственная по-настоящему семейная реликвия. И я хочу её сохранить.

– Понимаю... – Юрий не кривил душой: он действительно понимал, как чувствует себя этот незнакомый ему молодой человек – он легко мог представить себя в подобной ситуации, и его реакция на такие действия матери, несомненно, была бы такой же.

– Всё началось с моего прадеда...

– Прадеда? А мне казалось, ваша семья стала собирать коллекцию фигурок не так давно...

– Это так, – кивнул Джеймс. – Но первым заговорил об одной такой фигурке мой прадед – который бежал из России... Я, к сожалению, не застал его живым, но отец часто вспоминал его рассказы...

Предчувствуя, что разговор будет долгим, Котов предложил гостю кофе. Тот согласился, и Юрий попросил Леночку принести напитки. Тишина повисла в воздухе и господствовала в кабинете до тех пор, пока секретарша – в безупречном брючном костюме и на высоких каблуках – принесла два кофе (одинаковых, заметил Котов) и вазочку с сахарным печеньем.

Котов взял кружку и залпом выпил сразу почти половину.

– Так что там с твоим прадедом? – спросил он.

Джеймс взял вторую кружку и сделал глоток.

– Его друг был скульптором и резал по кости – говорили, что у него большой талант... Он много работал, но так же много и отдыхал – был душой светского общества и с удовольствием посещал всяческие мероприятия. А однажды он пропал – больше месяца никуда не выходил из дома и никого у себя не принимал... Говорили, что он болел, но за это время он вырезал прекрасную фигурку по кости. Такую прекрасную, что мой прадед так и не смог забыть её до конца жизни.

– Что за фигурка?

– Богатый английский купец, в одежде начала семнадцатого века. Очень детальная, необычайно тонкая работа. Ювелирная. Настолько детализированная миниатюра, что, кроме подробного исполнения одежды, в ней видно скелет, кости, внутренние органы... Да ты и сам видел фото. Уверен, эта фигурка сразу привлекла твоё внимание – она не такая, как все...

– Твой прадед купил её?

– Нет. Не успел. Он очень хотел, но сразу как-то не сообразил, а потом фигурка пропала. Его приятель вдруг заявил, что ничего такого не делал и вообще не в курсе...

– Но я так понимаю, фигурка потом нашлась?

– Да... Один богатый русский коллекционер хвастался, что приобрёл величайший шедевр на свете – правда, не говорил, как и у кого приобрёл... Вскоре в России началась революция, и мой прадед вместе со своей женой уехал в Австралию. И до конца жизни жалел, что не догадался перекупить миниатюру у того коллекционера... Он пытался потом её найти, но следы затерялись...

Кофе остывал, но Котов был так увлечён, что и не вспоминал о напитке.

– Что потом? Фигурка ведь как-то оказалась у вас?

– Ну да, оказалась... но не сразу, а через много лет. Жаль, прадед порадоваться не успел. Мой дед начал собирать коллекцию всяких резных фигурок и небольших скульптур – страсть к таким вещам передалась ему от отца. Его коллекция была не так уж велика, но каждой вещью он гордился, каждой новинке радовался как ребёнок... и вот когда у него был юбилей – шестьдесят лет, отец решил подарить ему кое-что особенное. Он давно искал фигурку, которой бредил его дед – мой прадед. Писал письма частным коллекционерам, делал запросы в разные искусствоведческие музеи СССР...

– Как я понимаю, удачно?

– Ага. Но это заняло много лет. Миниатюра нашлась, когда Союз уже распался. А вместе с этой миниатюрой отец нашёл себе и жену – мою мать...

Часть этой истории Юрий уже слышал. Но в общем контексте всё выглядело ещё более интригующе.

– А как он узнал, что эта миниатюра – та самая?

Джеймс улыбнулся:

– Как я уже говорил, мой прадед запомнил её очень хорошо, она буквально врезалась в его память. Он рисовал её – много раз. В своём дневнике.

– В дневнике? А ты видел этот дневник?

– Я с детства слышал о нём – отец рассказывал, что видел рисунки своими глазами. Но мне никогда не показывал – да мне тогда и неинтересно было, если честно... Потом, после его смерти я пытался найти дневник в его бумагах, но мать уверяла меня, что его не существует... А недавно я его нашёл.

– Можешь мне показать? – попросил Юрий. – Хотелось бы взглянуть хоть одним глазком.

Строгофф кивнул:

– Я бы попросил тебя взглянуть даже двумя глазами... Просто сам я могу рассмотреть лишь рисунки, текст гораздо сложнее... язык очень трудный. Прадед писал по-русски...

– Но ты прекрасно говоришь по-русски! – воскликнул Котов и тут же спохватился. – Только говоришь, да? Не читаешь, не пишешь?

– Нет, я читаю, пишу, но... Во-первых, у прадеда был почерк... очень своеобразный. Трудно разбирать, если язык для тебя не родной... Ну и плюс всё написано ещё тем языком, дореволюционным. И я уже не всё понимаю... Даже если могу разобрать буквы, смысл многих слов мне не понятен. Мне нужна помощь... Ты мог бы...?

– Не вопрос. Давай посмотрю.

– Спасибо. С собой у меня дневника нет. Он дома, в Сиднее. Я не мог просто выкрасть его из сейфа – мать сразу заметила бы. Мне кажется, она специально прячет его от меня... Но пока она здесь, я должен вернуться в Сидней – подготовить коллекцию к вывозу. И я смогу сделать копию дневника – у доверенного отца есть ключ от сейфа, и я думаю, что смогу его уговорить... Он был верен отцу, и мне кажется, он тоже не хочет, чтобы наша семья потеряла своё достояние...

Котов допил уже порядком остывший кофе и кивнул:

– Договорились. Я помогу тебе... А долго лететь из Москвы до Сиднея?

Джеймс пожал плечами:

– Тридцать часов, с пересадкой в Гуанчжоу. Это в лучшем случае.

Юрий присвистнул:

– Тридцать часов!

– Для тебя это, может, и долго, а я привык, – улыбнулся собеседник: – Из Австралии куда бы ты ни летел – всегда будет долго.

Юрий усмехнулся в ответ:

– Когда летишь?

– Завтра-послезавтра, – сказал Строгофф. – Как только мать найдёт какую-то свою старинную подругу. Чтобы она не чувствовала себя здесь слишком одинокой. Но до выставки время ещё есть – я думаю, мы успеем.

– Да. Время у нас пока есть...

***

В понедельник в десять утра Ричард Корриган уже был в своём офисе, а его коллега из департамента по борьбе с наркотиками Дуглас Бишоп знакомил инспектора с обстоятельствами дела об убийстве в Эль-Пасо – всё было собрано в большой красной папке с кучей документов: фотографии с места преступления, показания свидетелей...

Даже на фотографиях резные фигурки выглядели потрясающе – небольшие, максимум три дюйма в высоту, невероятно хрупкие на вид, удивительно точно воспроизведенные лица – видны даже маленькие зубки, а у одного солдатика – и крохотная родинка на лице. Плюс несколько слоёв тончайшего костяного кружева, изображающего одежду конца семнадцатого века, скелеты и внутренние органы людей. Корриган присвистнул от удивления.

– Впечатляет? – тихо спросил Бишоп.

– Не то слово... Никогда не видел ничего подобного.

– Согласен. И знаешь... это кошунство, то, что я сейчас скажу, но на секунду я даже понял, ради чего были все те убийства... Хотелось бы увидеть хоть одну из этих фигурок вживую – только где ж их достать?

Корриган задумался: по роду деятельности ему часто приходилось иметь дело с коллекционерами и экспертами в области всевозможных видов искусства по всему миру. Мысленно перебирая в памяти всех, кто имел хоть какое-то отношение к резной миниатюре, Ричард быстро пришёл к выводу, что никто не сможет предоставить ему больше информации, чем оценщик ценностей парижского музея Клюни, которого он не видел уже много лет.

Нелюдимый и в чём-то даже социопатичный Анри Дюруа, бесспорный международный авторитет в области резьбы по кости, был страшным консерватором и всегда до последнего оттягивал момент наступления прогресса в собственной жизни. Он не только не любил выходить из дома, но и слухом не слыхивал о современных средствах связи – в то время как его коллеги охотно принимали участие в онлайн-конференциях и консультациях, Анри не имел

даже адреса электронной почты: если удастся вызвонить его по стационарному телефону (то есть если Дюруа соизволит ответить на звонок) – считай, тебе уже крупно повезло.

Единственное место, где можно было встретить Анри Дюруа – его собственная квартира в Париже, и инспектору Корригану это было хорошо известно.

– Давно я не был в Париже, – произнёс вслух Ричард. – Есть там один эксперт по резьбе... который как гора у Магомета – никогда не придёт сам. Так что придётся, вероятно, мне. Попрошу Энни заказать билеты на самолёт. С чего-то ведь надо начинать, да?

– Однозначно, – кивнул Бишоп. – Это как раз по твоей части. Ты давай, лети, а я пока здесь поработаю с бумагами – может, ещё что-то найду.

Раздался стук в дверь, и высокая симпатичная шатенка в прямом тёмно-синем платье до колен – секретарь департамента Энни Смит – сама вошла в кабинет вместе с крепко сбитой девушкой, которая ростом едва доставала ей до плеча. Интерполовцы окинули новенькую оценивающим взглядом: классические синие джинсы прямого кроя, белая майка, чёрная кожаная куртка с закатанными рукавами, связанные в длинный хвост на макушке светлые волосы, жвачка во рту и большие солнцезащитные очки – ни дать ни взять, американский полицейский из детского комикса. Девушка сняла очки, и Корриган сразу понял, что сейчас скажет Энни: он десятки раз видел взгляд, как у незнакомки: так обычно горят глаза у практикантов.

Энни коснулась плеча девушки и быстро сказала:

– Корриган, принимай пополнение. Алекс Стивенсон – только сегодня из Нью-Йорка. Пять лет в американском департаменте по борьбе с наркотиками, лучшие результаты в стрельбе и беге на короткие дистанции. Перевели на дело с фигурками, главный ты, – круто развернулась на шпильках и вышла из кабинета, не дожидаясь ответа.

Алекс, стараясь не смущаться, подошла к Корригану и протянула руку:

– Рада познакомиться, босс.

Девушка не лгала – она действительно была рада познакомиться с Ричардом Корриганом.

Отец Алекс, Марвин Стивенсон, всю свою жизнь проработал в ФБР. Алекс была поздним ребенком – когда родилась дочь, Марвину было уже под пятьдесят. Десять лет спустя его молоденькая жена бросила мужа вместе с дочерью и сбежала с любовником в Майами, оставив лишь записку, в которой было всего несколько слов... Тогда Марвин решил, что не может рисковать оставить девочку сиротой, и ушёл в отставку. Тем не менее, Стивенсон по-прежнему оставался в эпицентре активной жизни – сотрудничал в качестве консультанта и с ФБР, и с Интерполом, и с местным отделением полиции: не то чтобы без него никто не мог обойтись, просто огромное количество старых связей и сорокалетний опыт борьбы с преступностью сделали своё дело. К тому же Марвин был очень радушным, отзывчивым человеком и на лету схватывал самую суть дела, обращая внимание на незаметные на первый взгляд детали. Словом, с ним приятно было иметь дело.

Алекс же, в отличие от старика Марвина, росла застенчивой, необщительной девочкой – её единственным другом долгие годы был её собственный отец, который занимался не только образованием дочери, делая с ней уроки и устраивая вылазки в музеи и на научные конференции, но и её физическим воспитанием. Девочка с раннего детства занималась карате и боксом, бегала, скакала верхом, плавала... и мечтала работать в полиции. Марвин был, мягко говоря, не в восторге от того, что дочь избрала в качестве профессии постоянный риск, однако в глубине души гордился своей девочкой и не сомневался в том, что она всегда сможет за себя постоять. Так благодаря связям отца, получив впоследствии необходимое образование, Алекс попала в Интерпол.

Работая в департаменте по борьбе с наркотиками, девушка живо интересовалась и работой других департаментов – прежде чем остановиться на какой-то более узкой специализации, ей хотелось попробовать всё. Поэтому, когда вдруг дело, которым занимались инспекторы по борьбе с наркотиками, перешло в юрисдикцию департамента по международному розыску похищенных ценностей, Алекс, не медля, попросила перевести её на это дело. Тем более что об инспекторе Корригане девушка была наслышана – в своё время она даже прочла книгу Ричарда, по которой учились её коллеги, и осталась под большим впечатлением.

Бишоп уже сталкивался с Алекс: они работали над разными делами, но изредка виделись на совещаниях и в коридорах офиса. Бойкая девушка нравилась инспектору: своим рвением и пылкостью она напоминала Бишопу его самого, когда он только пришёл в Интерпол.

– Быстро они помощников назначают, – проворчал Корриган, пожимая руку Алекс.

Бишоп тоже протянул руку девушке:

– Стивенсон, ты уже видела материалы дела?

Девушка довольно хмыкнула:

– А то! Кое-что видела, кое-что слышала... Покажете, что у вас есть?

Пока Алекс листала папку с бумагами, Корриган достал сложенную во много раз новенькую карту мира (таких карт у него было много, и для каждого нового дела он всегда выделял отдельную карту), отметил красным маркером места преступлений и задумался: кружки оказались далековато друг от друга...

Девушка отвлеклась от бумаг:

– А восстановленных записей с наружных камер ещё нет?

Бишоп с Корриганом переглянулись, а Алекс невозмутимо продолжила:

– Просто хотела посмотреть... Папа разговаривал с инспектором Рамиресом из Эль-Пасо, и он сказал, что записи с внутренних камер восстановлению уже не подлежат. К сожалению.

– А на наружных что? – в один голос воскликнули два инспектора.

– А на наружных видно, как в дом входит мужчина, которого никто из окружения Санчеса опознать не смог. Вроде как индус. Но качество записи, сказали, не очень... Вот я и хотела сама посмотреть.

– Я найду запись, – Бишоп достал из заднего кармана брюк сотовый телефон и вышел из кабинета.

Корриган кивнул своим мыслям: Алекс не будет ему в тягость.

Глава 6

Дни Юрия Котова завертелись в рутине. Рита привычно обустроивала его уют, почти всегда была рядом, всячески заботилась о нём и готовила вкуснейшую домашнюю еду. Рептилоид пытался накопать что-нибудь относительно ритуальных убийств, хотя новостей по центральным каналам больше не было. В интернете мелькали сообщения о том, что двойное убийство было не первым – несколько месяцев назад было совершено ещё одно похожее убийство старшеклассницы и два самоубийства с невыясненными обстоятельствами. На подробных фотографиях с мест преступлений, посреди разорванной одежды жертв, следов их крови и обломков неопознанных костей мелькали и резные фигурки, но качество изображений было нечётким. Похоже, никому просто в голову не приходило, что эти фигурки играют в убийствах сколько-нибудь заметную роль, поэтому их фотографировали, видимо, только если они случайно попали в кадр с чем-то важным.

С матерью Котов по-прежнему не общался, хотя Рита повторяла и повторяла, что та – единственный человек, который может рассказать ему хоть что-нибудь об отце. Чем больше Рита настаивала на примирении парня с матерью, тем больше его это раздражало, хотя он умело это скрывал. И тем чаще он вспоминал Марго – насколько проще с ней было! Марго сама была не в ладах со своими родными, несмотря на то, что те её обожали, и не слишком часто с ними общалась. Потому она совершенно спокойно относилась к напряжённости между Котовым и его матерью.

Джеймс Строгофф улетел в Сидней, и Юрий с нетерпением ждал его возвращения, зарывшись в каталогах по истории искусства в надежде найти что-то ускользавшее от его внимания ранее. Отдельные страницы он уже знал, кажется, наизусть – поэтому ничего нового, к его досаде, не обнаруживалось.

Аркадий Шереметев вернулся из-за границы и снова лично занялся повседневными обязанностями владельца и управляющего галереи, освободив Котову время для работы с коллекцией Строгофф. Анна, обрадовавшись возвращению старого приятеля, отвлеклась от встреч с многочисленными подругами, которые, как оказалось, со временем почти все перебрались в Москву, и приехала к Аркадию.

Было уже поздно, но Юрий засиделся на работе с иллюстрированным каталогом (книгу можно было взять и домой, но ему не хотелось прерываться на середине главы). Задержался и Шереметев – за беседой с Анной Строгофф. Кабинеты Котова и его шефа разделяла лишь небольшая приёмная, где в рабочее время в окружении офисной техники располагалась Леночка. Когда сотрудники разошлись по домам и в офисе воцарилась тишина, Котову стало слышно, о чём Шереметев говорил с Анной – по-видимому, дверь его кабинета была открыта. Встать и закрыть дверь или как-то намекнуть на это шефу Юрий считал не вполне приличным, так что в какой-то момент он поймал себя на том, что просто сидит, отложив каталог, и невольно подслушивает чужой разговор, хоть и понимает, что это неправильно.

– Послушай, Ань, – мягко произнёс голос Шереметева. – Ты ведь знаешь, что от меня ты можешь ничего не скрывать. Мы же с тобой сто лет знакомы, ну ты чего! Я же вижу, что с тобой что-то не так... То есть я понимаю, ты недавно потеряла мужа, но... Скажешь, что с тобой?

– Тебе показалось.

– Уверена? Ну, как знаешь... Если что, я всегда... Кстати, вот что ещё мне не даёт покоя: ты говорила, что муж купил фигурку в твоём музее, из запасника. Но мы ведь оба понимаем, что это невозможно... Если не хочешь говорить – не говори. Я пойму. Но если не мне – то кому?

Женщина помолчала.

– Ладно, я скажу тебе правду... всё равно, прошло уже столько лет... Я украла ту фигурку. Ты это хотел услышать? Она бы всё равно рано или поздно затерялась – музей ведь расформировали, экспозиции развезли по другим музеям, да и с документами тогда был полный беспорядок, компьютеров же не было... Если хочешь знать, я не горжусь тем, что сделала... Ты меня теперь презираешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.